

Рита Навьер
Цена измены

«Литнет»

2023

Навьер Р.

Цена измены / Р. Навьер — «Литнет», 2023

Подруги и родители твердили ей: Он тебе не пара! А он говорил: Я буду любить тебя всегда, моя единственная. И она верила. Восемь лет их любовь казалась ей нерушимой, неизменной, вечной, пока однажды он не признался, что изменил... Тогда она думала, что на свете нет ничего страшнее его предательства, но ошиблась... Однотомник! ХЭ!

© Навьер Р., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

1	5
2	7
3.	10
4.	13
5.	16
6.	20
7.	24
8.	26
9.	29
10.	33
11.	36
12.	40
13.	43
14.	46
15.	49
16	53
17	55
18	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

1

Инна поставила перед матерью тарелку с румяными, ещё горячими сырниками. Открыла холодильник, но сметана, оказывается, скисла, а от черничного джема остался лишь крохотный островок на самом дне.

С того дня, как Никита ушёл из дома, всё наперекосяк...

Впрочем, мать на сырники и не взглянула.

– И где сейчас... этот... твой? – спросила она.

Алла Арнольдовна никогда не называла зятя по имени. Даже в лучшие времена.

Она долго не могла оправиться от удара, когда Инна, единственная дочь, гордость и надежда, внезапно выскочила замуж за сокурсника Никиту Дементьева.

Всем своим подругам, знакомым, родственникам она жаловалась на «этого смазливового плебея, задурившего голову её девочке». Рассказывала, сокрушаясь, как они вместе с мужем, профессором Немирецким, жизнь положили на то, чтобы у Инны было всё самое лучшее. Однако не только баловали её и холили, но и с детства прививали хороший вкус, изысканные манеры, чувство стиля, в общем, всё то, что выделяет культурного, интеллигентного человека среди серой массы.

И компания у Инны всегда была подходящая: порядочные молодые люди, воспитанные девушки, все из хороших семей. Откуда вдруг свалился «этот люмпен», Алла Арнольдовна недоумевала. И далеко не сразу смогла принять ненавистного зятя.

Впрочем, она его так и не приняла. Просто терпела как неизбежное зло.

– Сейчас? На работе ещё, наверное. Никита до пяти работает, – бесцветным голосом ответила Инна. Тяжело опустилась на табурет напротив матери.

– Я не про сейчас. Я про вообще. У кого он ночует? У той, другой? – беспощадно выпрашивала мать.

Инна сглотнула острый ком.

– Не знаю, – выдавила она. – Мы на эту тему не говорим.

Мать недовольно поджала губы, покачала головой.

– А я тебе сразу говорила, что ничего хорошего из твоего замужества не выйдет. Потому что он тебе не пара. Но зачем мать слушать, да?

– Мама, пожалуйста! – со слезами в голосе воскликнула Инна. – Мне и так плохо. Я и так еле держусь...

Алла Арнольдовна хмыкнула. С минуту помолчала, но натура взяла свое.

– Ты еле держишься, а он зато живет себе припеваючи. Ты осталась одна с двумя детьми. А он будет жить в свое удовольствие.

– А ты бы хотела, чтобы я пустила его назад?

– Боже упаси! – выкатила глаза Алла Арнольдовна. – Если ты ему ещё и измену простишь... и после всего примешь обратно, то... я тогда не знаю. Это уж совсем себя не уважать надо.

Она брезгливо скривилась и покачала головой.

– А чего же ты хочешь, мама?

– Я? А я уже ничего не хочу. Когда-то хотела, да. Лучшего будущего для тебя хотела, достатка, успеха, мужа достойного и перспективного. Нашего круга. Но ты выбрала своего вахлака. Любовь, видите, ли. Ну и где эта любовь сейчас? Ты этого, Инна, хотела? Ты вот из-за этого порвала с нами отношения на целый год?

– Это вы со мной порвали отношения, – глухо возразила она.

Восемь лет назад, когда Никита позвал её замуж, родители приняли эту новость резко в штыки. Отец ещё ладно, он своего мнения никогда не имел. А вот Алла Арнольдовна вынесла

ультиматум: «Выбирай! Или мы, твои родители, которые тебя вырастили, воспитали, всем обеспечили. Или он, этот проходимец и плебей». Инна выбрала. И Алла Арнольдовна тут же указала ей на дверь: «Живи теперь у мужа. И содержит тебя пусть теперь твой муж». Помирились они потом только через год, когда родился Митя.

– Ах ну конечно! – Алла Арнольдовна всплеснула пухлыми, ухоженными руками, никогда не знавшими никакой работы. – Родители плохие. Зато этот твой хорош. По чужим койкам скакать он хорош! Кобелина!

– Мама! Перестань! Прошу тебя!

– А ты матери рот не затыкай! Я тебе говорила, как оно всё будет, а ты вот так же меня затыкала. Муженька своего выгораживала. А он, скотина неблагодарная, хорошо устроился. На всё готовенькое. Даже работу получил благодаря нам. И хоть бы раз спасибо нам сказал... Ничтожество! Наглец! Как был вахлаком, так им и остался. Ещё и потаскун. Ну а ты просто дура и тряпка. Не такой я тебя воспитывала...

Из детской комнаты раздался плач. Инна взглянула на мать с немым укором и поспешила к ребёнку.

Вернулась через четверть часа с полусонной и зареванной дочкой на руках.

– Ой, а кто это пришел? Кто это у нас так громко плачет? – заворковала Алла Арнольдовна. – Машуля, солнышко, иди к бабушке на ручки.

Но малышка, хныкнув, отвернула от неё мокрое личико и уткнулась Инне в плечо. Алла Арнольдовна обиженно поджала губы.

– Капризная девочка растёт.

– Мама, ей всего восемь месяцев. Это нормально, когда дети в таком возрасте плачут. Особенно когда их будят раньше времени. К тому же Маша прибаливает.

– А что с ней? Врача вызывала?

– Конечно. Приходила с участка незадолго до тебя. Ничего страшного, сказала. Простыла немного...

– Одевать теплее надо ребенка, когда гулять идешь.

– Я и так...

– Знаю я твоё и так... А за Митей, кстати, ещё не пора? – спросила мать.

– Митю сегодня Никита должен забрать.

– И ты после всего доверяешь ему сына? – вскинулась Алла Арнольдовна. – Другая и близко этого мерзавца к ребёнку не подпустила бы.

– Мама, Никита вообще-то Митин отец.

– Отец? – фыркнула мать. – Нашла тоже отца. Отец, настоящий отец, думает не о себе, не о своих удовольствиях, не о том, в чью бы койку прыгнуть, а о семье. Настоящий отец заботится, обеспечивает. Но что-то я ничего этого не вижу. И чему он в будущем может научить Митю? Как по бабам таскаться?

– Мама!

Маша тотчас заплакала и не умолкала до тех пор, пока Инна не начала её кормить.

– Маша такая нервная, потому что чувствует, что у вас всё плохо, – авторитетно изрекла мать. – Дети всегда такое чувствуют. Я недавно по телевизору смотрела передачу, там психолог выступал...

Инна промолчала, уже не хотелось ни спорить, ни оправдываться. И слушать её тоже не хотелось. Каждая встреча с матерью и прежде изматывала её морально, а сейчас так и вовсе высасывала последние силы.

Хотя какие там силы? Никаких сил уже не осталось. Максимум – рефлекс. Инна жила в аду. В аду, который творился у неё в душе. Уже двадцать восемь дней.

Каждое утро, каждый день, каждый вечер и, особенно, каждую ночь она терпела эту раздражающую сердце боль. И никак не становилось легче...#####

2

Инна сама удивлялась, как сумела выдержать эти проклятые двадцать восемь дней и не умереть от тоски, не сойти с ума от горя, не задохнуться от боли. И не покончить со всем разом...

Впрочем, тут как раз понятно – это всё дети. С ними тяжело. И раньше было тяжело, а сейчас, одной, – особенно. Они связывают по рукам и ногам, порой раздражают и даже злят до белого каления, но именно они – та соломинка, которая держит её на плаву и не дает пойти ко дну. Только Маша и Митя, сами того не ведая, не дают совершить непоправимое.

Инну гнуло, ломало, корежило. Ночами она глотала слезы и тихо выла в подушку, чтобы не разбудить детей, и в отчаянии шептала: «Я больше не могу так... не могу так больше... Подлец... предатель... Как ты мог так со мной... с нами? Как ты мог предать меня? Ты же клялся... любить обещал вечно... Я же тебе верила... не могу так больше...».

Но ровно в шесть тридцать она вставала, готовила Мите завтрак, собирала его на уроки.

Школа находилась в двух остановках от дома. И что самое опасное – по пути надо было пересечь очень оживленный перекресток. Раньше Митю всегда отвозил Никита. Теперь приходилось договариваться с соседской девчонкой-десятиклассницей. За небольшую приплату девчонка провожала сына до самого класса.

Забирали они его с Никитой по очереди, не строго, а как придется. Сегодня вот должна была пойти за Митей Инна, но дочка после обеда вдруг затемпературила. Пришлось звонить в поликлинику, вызывать участкового педиатра, а Никите писать смску. Просить, чтобы сегодня забрал ребенка он.

Это было тяжело – обращаться к мужу после того, что он сделал. Хотелось никогда больше его не видеть, не слышать, не знать. Потому что каждая встреча с ним – это живое напоминание его измены. Хотелось обрубить все связи, стереть из жизни и забыть, забыть, забыть.

Но это, увы, невозможно. Приходилось встречаться. Приходилось смотреть в его темно-карие, почти чёрные и лживые глаза. Приходилось разговаривать. Хотя разговором их вынужденное общение не назовешь. Оба лишь обменивались скухими фразами, сухо, как чужие.

Но хуже всего для Инны было именно просить его о чем-то, переступая через себя. Это казалось таким унижительным. Может, ещё и потому, что на её просьбы Никита никак не реагировал. То есть он делал то, что просила Инна – приносил, привозил, отвозил, но молча. С каменным лицом. Как посторонний равнодушный человек.

– Зачем вообще понадобилось отдавать его на продлёнку? – проворчала мать. – Сама, что ли, не в состоянии сделать уроки с ребёнком?

– Не в состоянии, – отрезала Инна.

Алла Арнольдовна покачала головой.

– Бедный ребенок...

Инна понимала, что это означало: Никита – никчемный отец, она – плохая мать.

– Вот я как-то успевала с тобой заниматься и музыкой, и языками, и уроки делать, и читать вслух. И при этом следить за собой успевала, между прочим.

Инна могла бы напомнить, что на ней вся домашняя работа, а у матери была и есть Зина, их домработница, но знала, что это бессмысленно. Для матери это не довод. Как человек, который за всю жизнь ни разу ничего не делал по дому, мать понятия не имела, как много времени съедают домашние хлопоты.

– Уже шестой час, – вместо этого сказала Инна устало. – Скоро уже Никита Митю привезет.

Алла Арнольдовна грузно поднялась. Водрузила на стол свою объемную сумку-саквояж из темной крокодиловой кожи, дорогую, но старомодную. Отодвинула ею тарелку с остывшими уже сырниками, к которым она так и не притронулась. Щелкнув застежкой, раскрыла сумку и достала оттуда несколько купюр, зажатых канцелярской скрепкой.

– На вот, – с многозначительным вздохом она положила деньги на стол.

– Да не надо, – без особой уверенности пробормотала Инна.

Деньги как раз нужны были и даже очень. А сейчас – тем более. Просто брать их у матери не хотелось.

Но мать на её жалкие попытки сохранить остатки гордости лишь усмехнулась.

– Купи что-нибудь детям. Они не виноваты, что у них такие родители.

Тяжело ступая, мать вышла в тесную прихожую, кряхтя обулась, надела пальто. Перед зеркалом повязала шейный платок, поправила шляпу и наконец ушла, оставив после себя густой и терпкий запах духов.

Инна подогрела ужин для Мити, который должен был вернуться с минуты на минуту.

Никита, когда привозил сына после школы, обычно к ним не поднимался. Просто высаживал сына у подъезда и уезжал. Инну это почему-то сильно задевало, хотя она сама же не хотела его видеть и много раз ему это повторила. А теперь холодная отстраненность мужа ранила её. Вот такой парадокс.

В седьмом часу Инна заволновалась уже не на шутку. Всякое, конечно, могло быть. На перекрестке в такой час вечно пробки. Да и Митя мог упросить отца заехать в какое-нибудь кафе. Объяснений – уйма, но изнутри неотвратимо поднималось тягостное, тревожное, скребущее чувство, которое нарастало с каждой минутой.

И маленькая Маша словно и впрямь чувствовала её нервозность – заходила в плаче и никак не могла успокоиться.

У Инны уже отнимались руки качать её, довольно тяжеленькую для своих восьми месяцев. Но стоило посадить Машу в манеж или на ходунки, она закатывалась ещё громче и тянула к ней ручонки.

Инна притронулась губами к влажному лбу девочки – горячий. Опять поднималась температура...

Кое-как сунув ей бутылочку с соком, Инна скорее набрала Никиту. Тот не ответил. Спустя минуту попыталась снова – и опять долгие гудки без ответа.

Инна металась из комнаты в комнату, бросала взгляд на часы, то и дело подходила к окну, вглядываясь в вечерние сумерки. Куда он мог отвезти Митю? И почему не позвонил, не предупредил? Почему, в конце концов, не ответил на ее звонки и сообщения?

В голову лезли всякие ужасы. Пока вдруг на ум не пришла дикая и жуткая мысль: а вдруг Никита украл сына?

Нет, это бред какой-то, мотнула головой Инна. Такого быть не может. Какой бы Никита ни был, он бы не стал отбирать у нее еще и сына. Уж на такое он точно не способен!

«Да откуда ты знаешь, на что он способен? – заговорил непрошенный внутренний голос. – Не так давно ты была уверена, что он и на измену не способен...».

Нет-нет, спорила сама с собой Инна. Это дикость просто. Бред!

Однако время шло, Митя не приходил, дозвониться до Никиты все так же не получалось. И эта страшная мысль постепенно переставала казаться такой уж дикостью. И ведь таких случаев на самом деле множество...

К тому же был момент две недели назад, когда мать застала здесь Никиту – тот как раз привёз Митю из школы. И тут же набросилась на него с упреками. В конце концов они поругались, и мать заявила, что они через суд запретят ему видеться с детьми. Вдруг он воспринял всерьез эти угрозы?

От нахлынувшей паники Инну трясло.

И что делать? Что же делать, господи? Куда бежать с больным ребенком на руках? Звонить в полицию? Родителям?#####

3.

После жаропонижающего сиропа Маша вскоре задремала. Инна унесла дочь в кроватку, затворила плотно дверь в детскую, а сама вернулась на кухню и снова взялась за телефон.

Если Никита не увез Митю, то оставалось самое страшное. То, о чем она и помыслить боялась. Едва дыша, с колотящимся сердцем она набрала единый номер экстренной службы.

«Нет, информации о происшествиях с участием ребёнка сегодня не поступало», – был ответ. Оператор скорой помощи тоже ничем ей не помог. С одной стороны – это облегчение, а с другой – неизвестность сводила с ума.

Инна, наверное, уже в сотый раз набрала мужа. Только сейчас вместо череды длинных гудков механический голос сказал: «Абонент недоступен».

«Как это понимать? Ты же не можешь быть таким мерзавцем, – как в лихорадке шептала она. – Спи ты с кем хочешь, но верни мне Митю! Господи, пожалуйста, умоляю... Пусть только с ним всё будет хорошо!»

Смски тоже остались неотвеченными. Инна набила ещё одно сообщение:

«Если сейчас же не привезешь Митю, я звоню в полицию!».

Тишина.

На всякий случай она позвонила Оксане Викторовне, Митиной учительнице. Её уроки заканчивались в обед – первоклашки учились с первой смены. И продлёнку затем вела другая. Но, может, Оксана Викторовна поможет, подскажет или хоть что-нибудь прояснит...

– Я уходила из школы где-то в пять. И Митю видела, да. В вестибюле. Сидел и ждал, когда за ним приедут. А что случилось? Митя не пришел домой? – встревожилась Оксана Викторовна.

– Нет. Его должен был забрать Никита, но я не могу до него дозвониться. В скорую звонила, в полицию... ну, вдруг авария была... ничего, – от волнения Инна говорила сумбурно и обрывочно.

– Вы, пожалуйста, не паникуйте раньше времени. Я сейчас позвоню учителю продленки... Если она ничем не поможет, обзвоню родителей одноклассников. Может, Митя к кому-нибудь в гости пошел. По опыту скажу, такое случалось у нас не раз. Ребята не предупреждают родителей, чтобы им не запретили. Вы пока подождите. Я вам перезвоню.

– Спасибо, – поблагодарила Инна.

Но ждать было невозможно. Пролистав контакты, она нашла номер Стаса Климова, лучшего, да, наверное, вообще единственного друга Никиты. Они оба родом из Рудногорска, жили по соседству, учились в одном классе. Потом вместе уехали из родного города поступать, а, отучившись, так и остались здесь.

Стас работал в такси – это единственное, что Инна о нём знала. Хотя нет. Ещё знала, что он её откровенно недолюбливал. С самого начала. С первого дня знакомства, когда Никита их только представил друг другу.

Стас никогда и не пытался скрыть свою неприязнь и все время настраивал против неё Никиту. Однажды даже сумел их поссорить, но тогда они оказались умнее или, наоборот, глупее и почти сразу помирились.

А на их свадьбе Климов спьяну страшно оскорбил Инну, за что Никита его побил и потом долго с ним не общался. Почти пять лет. До того ужасного августа, когда они втроем, с Никитой и Митей, отправились в Турцию.

В тот год Никите из-за вечного аврала на работе с большим трудом удалось выбить себе отпуск, и то всего на три недели. Они заранее планировали, что отдохнут на море. Но за несколько дней до отъезда позвонила его мать. Звала в гости, в Рудногорск. Очень просила

приехать хоть на недельку. Говорила, что соскучилась, что чувствует себя неважно. Но были уже куплены билеты. Да и в Рудногорск Инна категорически не хотела.

Свекровь ей нравилась – она была женщиной скромной, доброй, тихой. Почему-то называла Инну на «вы» и как будто даже робела перед ней. Но ладили они хорошо. А вот Рудногорск, этот крохотный сонный захолустный городишко, где некуда пойти и нечем заняться, вгонял её в тоску и уныние.

Никита после звонка матери был сам не свой, тревожился, колебался, но Инна уговорила: сначала на море, а потом уж к ней в гости. Если б она только знала, что свекровь не доживет до этого «потом»...

Мать Никиты умерла во сне, в своей кровати, её и нашли не сразу. И что самое ужасное – он даже на похороны не успел. Не смог вовремя вылететь.

Все хлопоты тогда взял на себя Стас Климов. Первым же поездом, как узнал скорбную новость, примчался в город детства. Думал, друга поддержать, а оказалось, что пришлось самому хоронить его мать.

Тогда Никита не высказал ей ни единого упрека. Лишь говорил мрачно: «Я сам виноват». Однако замкнулся в себе надолго. И снова сблизился с Климовым.

Инна набрала номер Стаса без особой надежды. Но тот ответил почти сразу.

– Это Инна.

– Какая Инна? – спросил он небрежно, хотя наверняка понял, кто ему звонит.

– Ты знаешь.

– А-а. Немирецкая, что ли? – как всегда назвал он её по девичьей фамилии. – Чего надо?

Фоном у него гроыхала музыка, галдели чьи-то голоса, словно у него там гулянка шла полным ходом. Инна пропустила мимо ушей намеренно грубый тон.

– Ты не знаешь, где Никита?

– Даже если б знал, тебе не сказал бы.

Раньше ей всегда хотелось вспылить, нагрубить ему в ответ, унижить. Но сейчас она лишь простонала в изнеможении:

– Митя пропал. Если ты знаешь, где Никита...

– Как пропал?

– Не вернулся из школы.

– Как не вернулся?

– Ты так и будешь переспрашивать? Лучше скажи, где Никита.

– Но я не знаю, где он. Честное слово. Мы созванивались с ним... ну, дня три назад. Договорились в субботу встретиться, ну и всё.

– А где он сейчас живет? – внутренне сжавшись, спросила она.

– Снимает хату в районе аэропорта. Слушай, ты успокойся. Найдется ваш пацан. Может, малой загулял? Или в гости к товарищу пошел да засиделся... Всяко бывает. Сколько сейчас? Всего восемь. Детское время. Я сам, помню, пацаном...

– Ладно, – прервала его рассказ Инна. – Если Никита объявится, скажи, что я его ищу.

Оставался ещё один номер, по которому можно его найти. Номер его коллеги. Дианы. Той самой, с которой Никита... Даже в мыслях представлять их вместе было невыносимо.

Зачем она хранила ее номер, Инна сама не знала. Звонить или писать любовнице мужа, она уж точно не собиралась.

Пару секунд она всё-таки колебалась. Худшего унижения и придумать невозможно. Но сейчас разве это важно? Да она готова тысячу раз унизиться перед кем угодно, лишь бы найти Митеньку.

Диана приняла вызов, но не сказала ни слова. Просто молчала в трубку. Значит, тоже знает мой номер, подумала Инна.

– Здравствуйте, – сухо поздоровалась она. Хотя знал бы кто, как тяжело ей далась эта элементарная вежливость. – Вы не знаете, где можно найти Никиту?

Та в ответ хмыкнула, и к лицу тотчас прилила кровь.

– Вы можете просто сказать, где он? – начала она заводится. – У нас ребенок пропал! Или это так смешно?

– То есть как пропал? Митя пропал? – зачастила Диана. – Я не знаю, где Никита сейчас. Я уезжала с работы сегодня в пять, он ещё был в офисе. Сдавал проект. А потом не знаю... Я сама ему звонила полчаса назад, он не ответил...

Не прощаясь, Инна сбросила вызов. И тут глухо. Сжимая телефон, она металась по кухне. Куда бежать, господи? Что вообще надо делать в таких случаях? Почему Оксана Викторовна до сих пор не перезванивает? И где, черт возьми, этот Никита?

И словно в ответ в руках загудел сотовый. От неожиданности Инна вздрогнула и чуть не выронила телефон. Никита. Объявился наконец!

– Ты звонила? – спросил как ни в чем не бывало.

– Сто раз! Где ты был? Почему не отвечал? Я с ума схожу! Где Митя? Когда ты его привезешь?

– Так получилось. Ездил сегодня по объектам и выронил телефон. После работы вот заехал в салон, купил новый. Постой... В смысле, Митя? Ты же его должна была забрать.

– Я тебе написала, что Маша заболела. Что я не смогу выйти, не смогу за ним... Ты не был в школе? – горло перехватило, и голос упал почти до шепота.

– Конечно, не был. Я и не знал... То есть Митя там... до сих пор? – дрогнувшим голосом спросил Никита. – Что ж ты мне не перезвонила? Я даже не видел твоего сообщения.

– Я же тебе звонила! Ты сказал, что не можешь говорить. Сказал, чтобы я тебе написала, если что-то надо, ну или перезвонила позже.

Несколько секунд с обеих сторон висело гробовое молчание. Затем он произнес глухо:

– Я сейчас же еду в школу. Потом к тебе.

4.

На плите в кастрюле кипела вода так, что нетерпеливо подпрыгивала крышка. Рядом на столе лежала пачкапельменей – его привычный ужин.

Десять минут назад Дементьев только приехал с работы. Сегодня пришлось задержаться – весь день разъезжал с инспекцией по объектам. Затем два с лишним часа переливали из пустого в порожнее на совещании с Москвой по видеоконференцсвязи.

А по пути домой вспомнил, что потерял телефон. Даже не потерял – выронил. Как раз когда поднимались на строительной люльке на одном из объектов, позвонила Инна. Внизу шумела стройка, и он не расслышал ни слова. Попросил написать смску, а когда убирал телефон в карман, тяговый трос дёрнулся, люлька рывком пошла вниз, и он, чего уж, дрогнул. Аж сердце в страхе екнуло. Думал, всё, падают. Нет, оказалось, просто скачок напряжения, но сотовый от рывка вылетел из рук. С пятидесятиметровой высоты. Дементьев его потом и искать не стал.

Но вечером пришлось заехать в салон связи, купить сим-карту и новый аппарат. Самый простенький – денег и так в обрез.

Зарабатывал он неплохо для офисного работника. Во всяком случае, прежде хватало и на жизнь, и на отдых, и на какие-то большие покупки. Но тут вынужден был подтянуть пояс. Всё потому что снял квартиру сразу на три месяца вперед – на меньший срок никто не соглашался, да и не было времени искать варианты получше. Вот и взял что попроще и подешевле, но даже в отдаленном районе убогая однушка съела большую часть зарплаты. Потом внёс очередной взнос за ипотеку, заплатил коммуналку, немного закинул Инне на карту, ну и себе отложил на бензин, да на еду. И всё, остались гроши.

Дементьев вставил симку, и тут же посыпались уведомления. Звонили Инна, Стас, Диана...

Вспомнил, что Инна звонила ещё днём. И под ложечкой сразу заныло. Эта тупая, тяжелая боль под ребрами моментально оживала, когда он думал про жену. То есть почти всегда.

Набрал её, ни о чем не подозревая... а через пару минут впопыхах натягивал куртку, ощупывал карманы: ключи, телефон, всё ли на месте. Выходя, спохватился и выключил плиту. Не хватало спалить чужую квартиру. Опрометью сбежал с лестницы, выскочил во двор. А потом гнал по улицам, как ненормальный. Психовал на светофорах, затем снова гнал, благо вечерние пробки уже рассосались. Как ещё повезло не нарваться на гайцов.

Бросил машину у ворот и бегом в школу. На ходу пару раз крикнул “Митя!”, покрутился на месте, но и так было понятно, что во дворе ни души.

Ворвался в вестибюль, в этот час уже опустевший и тихий. Только где-то дребезжала ведрами уборщица и доносился отдаленный топот и стук мяча.

На шум вышел охранник. Молодой совсем пацан, сам ещё как школьник.

– Сын после уроков домой не вернулся, – выпалил Никита, запыхавшись. – Первый класс. Охранник захопал растерянно глазами.

– Я никого не видел. Но директор ещё у себя. Сейчас позвоню. А вы кто у нас?

– Дементьев. Мой сын – Митя Дементьев. Первый “А” класс.

Пока он звонил, Никита мерил широкими шагами вестибюль. В голове лихорадочно металась мысль: “Митька, где же ты? Куда ты мог пойти? Только бы с тобой ничего не случилось...”

– Эй! А там кто шумит? Может, они знают? Может, и он там?

– Это секция баскетбола. Ну, можно глянуть. Сейчас, минутку, – и пацан заговорил уже с не с ним, а, видимо, с директором. – Ирина Анатольевна, тут папа одного первоклассника пришел. Говорит, сын домой не вернулся... Э-э... Дементьев... Хорошо, понял.

Не дожидаясь, Никита устремился на звук. Вдоль по коридору до спортзала. Там и правда старшекласники играли в баскетбол. Никита выскочил на поле:

– Пацаны, мальчишку нигде не видели? В смысле, вечером уже. Маленького. Волосы темные. Первый класс. Митей зовут. Не можем найти. Не пришел домой.

Парни между собой недоуменно переглянулись, покачали головой. Среди них, оказывается, был ещё и мужчина-тренер.

– Ну что, давайте поищем мальчишку. Так, Славка, Денис, бегите ищите на пятом этаже. Вася – на четвертом. Вы – на третьем и на втором. Вы двое сгоняйте в подвал. А мы пройдемся по первому этажу. В каждый кабинет заглядывайте, стучите, спрашивайте. Вдруг пацана заперли.

Баскетболисты разбежались. Никита протянул тренеру руку, поздоровался, заодно и поблагодарил.

– Не кипишуй, найдется, – заверил тренер. – Гуляет, скорее всего. Мой так же пропадал...

Тут в кармане загудел мобильник. Инна. В груди трепыхнулось. Вдруг Митька уже нашелся? Домой пришел?

– Да?

– Ну что? Нашел Митю?

Внутри сразу всё опустилось. Не вернулся...

Дементьев слышал по голосу – Инна на грани. Уже прорываются истерические нотки. Да он и сам как ещё держится – непонятно.

– Ещё ищем.

В ответ она судорожно всхлипнула.

– Не плачь. Он... мы ищем. Мы его найдем.

– Я не могу уже сидеть и ждать! Я свихнусь сейчас!

– Я понимаю. Но ты должна оставаться дома. Вдруг он придёт. И Маша...

В коридоре показался охранник.

– Вот вы где. Идемте к директору.

– Прости, Инна, мне надо идти. Как что-то станет известно, я сразу тебе позвоню.

И она снова ответила лишь горестным всхлипом.

– Идемте! – подгонял его охранник.

Приемная директрисы находилась на первом этаже, недалеко от вестибюля.

– Ирина Анатольевна, вот отец. Это у него пропал сын.

Директриса, грузная женщина лет шестидесяти, кивнула в знак приветствия.

– Что ж вы, папаша, так поздно спохватились? – проворчала она с раздражением. – Половина девятого! Ребенок уже спать должен, а вы только приехали его искать! Ладно. Учителю первого “А” я позвонила. Оксана Викторовна уже в курсе. Последний раз она его видела около пяти в вестибюле. Давайте для начала посмотрим записи с камер. Вдруг он с кем-то знакомым ушел.

Она развернула монитор так, чтобы и ему было видно экран. Пару секунд ему понадобилось, чтобы сообразить, что это вид вестибюля сверху. А потом он увидел Митю. Он сидел с краю на скамейке. Маленький такой. Как птенец на ветке. Рядом – его курточка, пакет со сменкой и рюкзак.

Вот к нему подошла учительница, затем он снова остался один.

Директриса включила ускоренную перемотку. За это время Митя даже с места не сходил, только, вытянув шею, глядел в окно. Высматривал нас, догадался Никита, и в горле встал ком.

Туда-сюда сновали люди, волнами набегали толпы учеников, затем рассеивались, и вестибюль почти пустел. Около шести на той же скамейке собралась кучка пацанов. Немного погодя, они стали цепляться к Мите. Не все, только двое. Но остальные смеялись.

Дементьев, мрачняя, стиснул челюсти.

– Шестой “Г”, – сходу определила директриса. – А это Коровин и Гаврилов. Прямо не знаю, что с ними делать.

Митя встал, отошёл к окну. Но двое шестиклассников продолжали к нему лезть. Хватали вещи, кидали друг другу, дразня его сына, а он метался между ними, тянул руки. Потом, видать, это развлечение им надоело. И они просто пошвыряли всё на пол, ну и напоследок потоптались по Митиной курточке.

– А ты куда смотрел, охранник? – повернулся к парню Никита. – Что за...

– С этим ещё разберемся, – прервала его директриса. – Давайте сначала выясним, где ваш сын.

В конце концов Митя подобрал свои вещи и выбежал на улицу. Директриса переключила на запись с уличных камер. Мальчик одевался на крыльце, роняя то шапку, то шарф. Мимо выходили из школы большие дети. Толкали, его не замечая. Наконец он оделся и тихонько побрел через двор к воротам, повернув личико в ту сторону, откуда они обычно подъезжают. Он казался таким крохотным, а рюкзак за его спиной таким огромным, что у Дементьева защемило в груди.

Дойдя до ворот, Митя постоял немного, потом так же медленно двинулся в сторону дома, пока не пропал из вида.

– Шесть ноль три, – произнесла директриса, взглянула на часы. – А сейчас... восемь сорок.

В кабинет заглянул тренер.

– Обошли с ребятами всю школу, в каждый угол заглянули. По двору пробежались. За школой, везде посмотрели. Ребенка нигде нет.

Дементьев достал телефон. Руки дрожали. Даже не вооруженным глазом видно. Сжал, разжал кулак – не помогло. Его всего трясло. Лихорадило. А внутри как огромный ледяной ком рос страх. Дикий, животный ужас, от которого стыла кровь.

На долю секунды Дементьев задумался, попытался сосредоточиться и вспомнить: какой номер надо набирать. В голове царил хаос.

– Кому звоните? – спросила директриса.

Он даже не повернулся. Затем, услышав на том конце “Дежурная часть. Слушаю”, чужим, глухим голосом произнес:

– У меня пропал ребенок...

5.

Заявление приняли сразу, по телефону, и сразу включились в работу. К школе подъехала группа оперативного реагирования. Был поднят личный состав. Никаких «ждите трое суток». Наверное, потому что маленький, подумал Дементьев. Хотя вообще он понятия не имел, как устроена работа полиции. Но боялся в душе, что наткнется на формализм и равнодушие, на очередное «погуляет и придет».

Следак – или кто он там, Никита не знал, не расслышал, но для себя так его обозначил – сначала задавал вопросы ему, охраннику, директрисе, Митиной учительнице, Оксане Викторовне, которая тоже вскоре примчалась. Спрашивал монотонно, но дотошно: почему ребёнок остался один, в чём был одет, что имел при себе, какие приметы, когда и кто видел ребенка последним.

– Света... Светлана Ивановна, воспитатель продлёнки, она у нас новенькая... – нервничая, оправдывалась директриса. – Девочка совсем, третий курс пединститута. Квалифицированных педагогов сейчас катастрофически не хватает. Вот и приходится принимать студентов. А вы, Оксана Викторовна, вы ведь подходили к мальчику?

Учительница стрельнула быстрым, испуганным взглядом в следователя, потом виновато посмотрела на Дементьева.

– Простите, пожалуйста, если б я знала... Я просто спешила... опаздывала. У меня была запись к врачу на пять двадцать. Да и кто бы мог подумать? Он же тут сидел, в школе. Я спросила Митю. Он сказал, что за ним сейчас придут.

– Вы могли бы Свету позвать, спросить с неё! – злилась директриса.

– Так, – прервал их следователь, сосредоточенно заполнявший бланк, – разборки, кто больше виноват, оставьте на потом. Сейчас, по горячим следам, локализуем район и ищем ребёнка.

Затем обратился к Дементьеву:

– Раньше он убежал из дома? Ну или задерживался в гостях, гулял допоздна?

– Нет, никогда. Митька вообще у нас домашний. Инна, ну то есть жена, его даже за хлебом в магазин боялась отпускать одного. Ну, там... через дорогу просто надо... Гулял он только на площадке... И ещё... он не мог пойти с кем-то чужим. В смысле, сам, добровольно. Мы с детства учили его с чужими не разговаривать. Даже было такое, что к нему кто-то из посторонних взрослых обращался. Да на той же площадке чья-нибудь мамаша. И Митька сразу отбегал. Он вообще у нас послушный, сообразительный... Он не м-мог...

Голос дрогнул. В груди будто заколотилось что-то живое, болючее.

– А мог он к кому-нибудь пойти, кого вы знаете? Родственники там, друзья, соседи? Проверим их в первую очередь.

– Из родственников только родители жены. Но они живут на Карла Маркса, далеко от школы. Да и Митька никогда бы не пошёл к ним один. Хотя бы потому, что до дома ближе.

– Надо отрабатывать все варианты, даже те, которые кажутся бредовыми. Позвоните родителям жены.

Дементьев вышел в коридор. Набрал Инну.

– Позвони своей матери, спроси, не у неё ли Митя, – попросил.

– Значит, его не нашли ещё? – горестно простонала она. – Господи, где он...

– Ищем. Инна, позвони. Прямо сейчас. Может, Алла Арнольдовна...

– Она была тут! Ушла в шестом часу. И она бы мне обязательно позвонила!

– Она была у нас?

– У меня, – зло поправила Инна.

– Тогда тем более! Она могла по дороге его встретила. Взять с собой.

– Она бы...

– Да она могла назло мне что угодно... Слушай, просто позвони, а?

Инна сбросила вызов, но через минуту перезвонила.

– Мити у нее нет и не было.

– Она не могла соврать?

Инна судорожно выдохнула, потом произнесла:

– Если бы ты сейчас её слышал, ты бы понял, что она не врёт.

Никита вернулся в кабинет директора. Молча качнул головой на вопросительный взгляд следователя.

– Ясно, – хмурясь, кивнул он. – Послушайте. Мы, конечно, подключим все силы. Прочесем район. Обойдем соседей, одноклассников. Магазины, какие есть по близости. Опросим ваших знакомых, возможных свидетелей, прохожих, жителей окрестных домов. Может, кто что видел, помнит... Проверим подъезды, подвалы, гаражи, заброшки, канализационные люки. Ну и наружные камеры посмотрим, где есть. От вас мне нужна свежая фотография ребёнка, какие-то его личные вещи... Телефона у него, как я понимаю, не было?

– Нет.

– Ноутбук, компьютер? Все же сейчас игроки.

Дементьев качнул головой. И нехотя добавил:

– Митька да, тоже играл во что-то... иногда, но на моем компьютере. А я его забрал...

Я... Мы с женой не живем вместе.

Директриса не сдержалась, выгнула бровь. Оксана Викторовна отвела взгляд. А следователь, наоборот, посмотрел на него внимательно и задумчиво прищурился:

– Давно не живете?

– Чуть меньше месяца.

– К вам он отправиться не мог?

– Нет. Митя не знает мой новый адрес.

– Мда... – протянул следователь, повертев в пальцах ручку. – То есть обстановка, как я понимаю, дома была не очень?

– Нормальная обстановка, – вспыхнул Дементьев.

– Вы ушли из дома, из семьи, так?

– Да, – мрачно признал он.

– Что тут нормального? Кстати, чтоб вы знали, дети такие моменты переживают очень остро. Даже если ничего не говорят. Вполне возможно, что сын ваш сбежал в знак протеста... пока вы со своими проблемами разбираетесь, отношения выясняете. Ну или банальное: плохо ему дома. С наказаниями у вас как? Не практикуете? Ремень там, угол? Нередко дети сбегают, когда их бьют любящие родители.

– Нет, – упрямо повторил Дементьев, чувствуя, как краснеет. – Никто его не бьет. Не сбежал он. Вы не знаете Митьку. Он бы никогда...

– Да все так говорят, – равнодушно произнес следователь. – А по опыту могу сказать, это родители своих детей не знают.

– Да-да! – охотно подхватила директриса. – Только и слышу от родителей: наш не такой! Вот те же Гаврилов и Коровин, ну, на видео которые... Сколько раз вызывала их матерей. Обе твердят: не может быть. За руку поймаешь. В нос им ткнешь. Все равно: наш хороший, школа плохая, испортила. А...

– Не будем отвлекаться, – пресек её следователь. – Но адреса их мне тоже дайте.

– Да, конечно, – с готовностью кивнула она, грузно поднялась из-за стола и прошла к шкафу с выдвижными ящиками. Открыла один, принялась рыться папках, а потом обернулась, подняв вверх указательный палец. – А кстати, насколько помню, у вашего Мити тоже, пом-

нится, были конфликты с учителем. Что-то он там натворил, не помню подробностей... Так, Оксана Викторовна?

– Ничего такого, – смутилась она под тяжелым взглядом следователя. – Всё давно выяснили. И... я тоже не думаю, что Митя мог сбежать.

Следователь, хмурясь, кивнул. Потом убрал заполненные бланки в свою папку, вернул Дементьеву паспорт и, глядя на него, изрек:

– Ну а теперь пора побеседовать с вашей женой.

Зашли в лифт втроем. Дементьев, следователь и девушка в безразмерной форменной куртке с полицейским шевроном. Может, это была вполне себе тётка, а не девушка. Дементьев не обратил внимания. Он вообще последний час действовал больше на автомате, нежели осознанно.

– Какой этаж? – спросили его.

– Седьмой, – ответил он, нажимая кнопку.

– Ну что, Ершов-то тебе подписал отпуск? – спросил следак девушку-женщину.

– Куда там! – коротко хохотнула она.

И Дементьева передернуло. Какой, к чертям, отпуск? Охренели совсем? Как могут они сейчас думать о чем-то ещё, когда пропал его ребенок? Девушка – всё-таки девушка – поймала его взгляд и потупилась. Следователь же широко зевнул, прикрыв рот ладонью, и прошептал обреченно:

– Опять не выплусь.

У квартиры Дементьев остановился и тихо попросил:

– Вы только... поаккуратнее с ней. Без прессинга. Инне и так тяжело.

– Ну понятно, тяжело, – хмыкнул следак. – Если такой заботливый, что ж из дома ушёл?

– Не ваше дело, – огрызнулся Никита.

– Теперь уже мое, – с усмешкой изрек следователь.

Пока девушка осматривала комнату Мити, снимала отпечатки, фотографировала, отбирала какие-то его вещи, следователь опрашивал Инну на кухне. Они сидели за пустым обеденным столом, а Дементьев подпирал подоконник. И злился. Этот следак, казалось, давил на нее гораздо жестче. Будто назло ему или, может, в чем-то подозревал её и винил.

Инна нервничала, конечно. Сидела, вытянувшись в струнку, бледная, без единой морщинки в лице, и длинными тонкими пальцами беспокойно теребила скатерть. Но, как всегда при посторонних, прекрасно держала себя в руках. Не плакала, не причитала, отвечала тихо, сухо, твердо, без истерик.

– Значит, уходил утром как обычно. С соседкой из двадцать второй квартиры, так? В каком настроении?

– Не знаю. В нормальном. Ни на что не жаловался.

– И часто он на что-то жалуется?

– Нет.

– Скрытный?

– Нет.

– А что там был за конфликт с учителем?

– Конфликт? – не сразу сообразила Инна. – Это громко сказано. Митя не подготовился к урокам. Его поругали. Может, это было не один раз. В общем, он... прогулял занятия. Обманул. Потом всё всплыло. Понимаете, Оксана Викторовна – их учитель – она строгая и требовательная. Митя к такому не привык. Вот и... Я ходила в школу разбираться, но это всё прошлое. Это было ещё в начале года. Он уже привык.

– Наказали? – прищурился следователь.

- Возможно, как-то и наказала. Не помню.
- Не помните, – хмыкнул он. – А вообще наказываете?
- Какое это имеет отношение к делу? Он пропал сейчас, а не тогда.
- Спрошу по-другому. Вы бьете своего сына?

На её скулах, на мертвенно бледной коже проступили алые пятна. Никита впился в неё напряженным взглядом.

– Ну так что? Вы били ребенка? Или ваш муж? – наседал он. – По статистике подавляющая часть потеряшек – это бегунки. То есть те дети, которые сбежали из дома сами. И обычно убегают они от жестокого обращения. И лишь малый процент пропавших детей – это те, кто действительно попал в беду. Поэтому мы отработываем все варианты.

Инна сидела неподвижно как гипсовая статуя. Смотреть на нее такую было невыносимо.

– Один раз, – произнесла она, глядя в глаза следователю. Сглотнула и добавила тише: – Один раз я ударила Митю. Я... сорвалась. Потом просила прощения... просила прощения... – Она вдруг зажмурилась. Коротко, прерывисто всхлипнула. – Он простил... Митя простил... Это был единственный раз... потом никогда...

И тут в ней будто что-то треснуло, надломилось. Она вся сжалась, согнулась, спрятала лицо в ладонях. Не лицо – а свое горе, которое больше не могла сдерживать.

– Ну, где один раз, там и... – пробурчал под нос следователь.

– Да бросьте вы! – вспыхнул Дементьев. – Мы – нормальные люди. Вот это ваше жестокое обращение – это не наш случай. Ну что она там его ударила? Шлепнула рукой... слегка. И этого никогда не было до и не повторялось после.

– Вы же не живете с семьей, – напомнил следак.

– Ну, я спрашивал у него, – бросив виноватый взгляд на жену, признался Никита.

В кухню заглянула девушка-криминалист.

– Я там уже закончила. Подожду вас в машине?

– Давай, – кивнул он, – я тут тоже уже всё.

– И что теперь? – спросил его Никита.

– В общем так, – подытожил следак, негромко хлопнув по столешнице обеими ладонями, – сбор материала может занять несколько дней и, если за это время ребенок не найдется...

– Как несколько дней? – ошарашенно переспросили в унисон Инна и Дементьев.

– Ну а как вы хотели? Ресурсы у нас ограниченные. К тому же другие дела... грабежи, разбои, убийства... никуда не делись. А бюрократия у нас... сами, наверное, понимаете, какая. Да и порядок проведения розыскных мероприятий регламентирован. Сначала вот проводится проверка материала. Если будут обнаружены какие-то факты, указывающие на следы криминала... похищения там или убийства, тогда возбуждается уголовное дело. Но это уже следственный комитет...

– Пожалуйста, найдите Митю! – прервала его Инна. – Я вас прошу, найдите его!

– Естественно, мы будем искать, как я уже сказал. Но, повторюсь, ресурсы наши тоже ограничены. Поэтому советую поскорее... вот прямо сейчас привлечь ПСО. Поисково-спасательный отряд. Работают они бесплатно, ну и, в отличие от нас, без всяких проволочек, писанины... У них уже слаженный, отработанный и очень действенный алгоритм поиска. Поверьте. Ну и будем на связи. Мой номер у вас есть, ваши номера у меня тоже. Фото вы дали.

– Найдите Митю! Пожалуйста! – уже не сдерживая слез, повторяла Инна.

А когда следователь ушёл, её прорвало. Зажимая ладонью рот, она выла, сидя на стуле и качаясь вперед-назад. Никита бормотал что-то утешительное, в духе: его найдут, всё будет хорошо. Инна как будто ничего не слышала. Он обнимал её подрагивающие плечи, гладил по волосам, пока она постепенно не смолкла. Он даже почувствовал, как её истерика стихает и как затем каменеет от напряжения тело.

И затем услышал тихое: «Убери от меня свои руки».

6.

Дементьев отошёл к окну, по-прежнему не сводя взгляда с Инны. Она перестала плакать и снова сидела почти неподвижно, прямо, чуть приподняв голову. Выдержкой его жена всегда обладала завидной, не то что он сам.

Это сейчас он научился распознавать её чувства по едва уловимой мимике, по каким-то мелочам и деталям. Даже по тому, как она держит голову. И видел, что, несмотря на внешнее спокойствие, напряжена она страшно, что в душе у неё крошечный ад. А раньше, когда-то давно, тоже ведь как все, считал, что Инна вообще ничего не чувствует. Не способна чувствовать. Не девушка, а Снежная Королева с ледяным сердцем.

Но нет, чувствует, ещё как чувствует. Только в себе всё держит. Тёщина школа.

За восемь лет сколько раз он видел её слёзы? Дважды. Сейчас и в тот день, когда Инна ударила Митьку.

Это был, конечно, шок и для него, и для Митьки. И для самой Инны. Потом Дементьев понял, что она просто сорвалась. Навалилось всё скопом. Тогда Маша орала ночами напролет – у неё резались зубы. А они не знали, что и думать. С Митькой такого не было. Тот грыз свое кольцо, пускал слюни и был спокоен как слон.

Маша же мучилась, температурила, перестала есть, заходилась плачем. Мази всякие, гели, отвары не помогали.

Они оба адски не высыпались, качая её до утра по очереди, оба были на пределе. Он даже нанял няню, но Маша чужого человека восприняла резко в штыки. В общем-то она всегда кроме Инны и Никиты категорически ни к кому не шла на руки. Даже к теще и тестю. Но тут кричала так, что аж хрипела и маленькое личико становилось багровым, а на мокром лбу жутко вздувались венки.

Однако Инна все равно держалась, не жаловалась, хоть и выглядела в конец измученной. Дементьев жалел её, но ловил себя на мысли, что впервые за все годы ходит на работу, как на отдых. С облегчением. Стыдился этих мыслей, отгонял. Но утром, вернувшись с молочки, завозил Митю в школу и ехал на работу с блаженным ощущением солдата-срочника, получившего на целых полдня увольнительную.

Он всё равно, конечно, клевал носом, сидя и стоя, на совещаниях и планерках, на стройках и за рулем. А однажды, уснув, въехал в фонарный столб. Счастье, что обошлось без жертв, да и сам отделался вывихом и сотрясением. Ну и бампер помял.

Два дня в больнице Дементьев беспробудно спал. Велик был соблазн проваляться в больничной палате до конца недели, как настаивал лечащий врач. Но он боялся, что Инна за эти дни совсем дошла до ручки. Голос ее по телефону звучал так, словно она на последнем издыхании.

После больницы он вернулся как с курорта. Впрочем, заряда надолго не хватило. А в тот день к ним нагрянула теща, как раз вернувшись с настоящего курорта. Оглядела квартиру и завела свою шарманку: не убрано, вещи валяются, вон и на пальце у нее осталась пыль. И за собой Инна не следит. Вышла за вахлака – сама вахлячкой стала.

Дементьеву Алла Арнольдовна давно уже ничего не выговаривала, да и он, как только она возникла на пороге, взял детей и пошёл гулять. Лишь бы её не видеть. Вернулся с улицы вскоре, после ухода тещи. Инна – на взводе, как всегда после визитов своей мамы. С виду, может, и не скажешь, но так и чувствовалось, как внутри у неё всё клокочет.

И тут Митька, с которым прежде они никаких проблем не знали, принялся что-то просить, капризничать. Дергал Инну: "Ты же обещала! Почему опять потом?".

Как Маша родилась, он вообще ревновал, страдал, бесился. Всерьез думал, глупый, что они его разлюбили. Вот и в тот момент выкрикнул в сердцах: «Лучше бы вообще ее не было! Не хочу никакой сестры! Надоела! Ненавижу её!».

Дементьев не понял даже, да и сама Инна наверняка не успела сообразить, как её рука взлетела и отвесила хлесткую, звонкую пощечину. Митька, перепуганный, ошарашенный, тут же затих, потом убежал в свою комнату.

Никита нашел его в шкафу, рыдающего. На силу успокоил. Потом в комнату вошла Инна, присела перед ним на корточки.

– Митенька, прости меня, пожалуйста, – промолвила, заглядывая в его лицо. Митька сидел перед ней на кровати, но упрямо отворачивался. Поджимал губы, чтобы снова не разреветься. Вот тогда Инна заплакала. Впервые. И это потрясло Митьку еще сильнее, чем пощечина. Он сразу соскочил с кровати, кинулся обнимать ей, так и сидевшую перед ним на корточках. Зачастил горячо:

– Мапочка, мапочка, любименькая, не плачь!

А Инну тогда как прорвало.

Ну а больше никогда, до сегодняшнего дня, она не плакала. Даже в самые тяжёлые моменты. Даже когда Алла Арнольдовна выгнала её из дома, совсем ещё девчонку, Инна не проронила ни слезинки. Пришла к нему, в их общежитие, как есть, без вещей. Мамаша её бешеная тогда и собрать ей ничего не дала. Заявила: «Пусть теперь твой муженек тебе трусы и всё остальное покупает».

А осень была, зима на носу.

Он тогда после пар, а то и вместо пар, на сортировке вкалывал. Труд тяжелый, но платили там неплохо и сразу. Но работать приходилось до нарывающих мозолей, до сорванной спины, до кровавых мальчигов в глазах. Зато купил ей тогда и сапоги зимние, и теплую куртку красивую, и, как сказала теща, всё остальное. А свадебное платье Инне сшила его мать. Точь-в-точь как у Грейс Келли.

Трудно было тогда, но все равно то время помнилось теперь самым счастливым. Изможденный он едва поползал до душа, потом до койки, но всё это казалось такой мелочью, когда она была рядом. Прижималась к гудящему от усталости телу, скромно ласкала или просто засыпала у него на груди.

Не плакала Инна и когда Климов оскорбил её при всех на их свадьбе.

Со Стасом Климовым они дружили с самого детства, вместе уехали из Рудногорска, вместе поступили и жили в одной комнате в общежитии универа. Потом тот переселился в другую, когда пришла Инна. Но невзлюбил он её с первого взгляда. Никита думал – Стас злится оттого, что он теперь откололся от студенческой веселой жизни. Ни пьянок до утра, ни вылазок куда-то, ничего. Только учёба, работа и ночи с ней одной, за закрытой дверью.

Но она ему не нравилась и сама по себе.

«Для таких, как она, такие, как мы с тобой, грязь под ногтями, – внушал ему как-то в подпитии лучший друг. – Это щас она повелась на твою смазливую рожу. Экзотики принцеске захотелось, острых ощущений. Побывать немного неправильной девочкой. Но натуру никуда не денешь. Видел, как она на всех и вся смотрит? Как на пыль. Ходит такая: все кругом челядь, а я – королева. Но скоро твоей чистенькой девочке надоеет играть в любовь, и она упорхнет к своей мамашке».

Дементьев обычно затыкал ему рот, но один раз все же чуть не повелся. Тогда Стас ему рассказал, что к Инне вечерами заходит студентик с четвертого этажа, пока тот вагоны разгружает, как лох. На четвертом этаже жили иностранцы, приехавшие учиться по обмену. И этот студент был откуда-то из Нигерии.

– Пока ты ради нее спину гнешь, твоя Царевна-Несмеяна развлекается с другим. Говорю ж, она любительница экзотики.

Тогда Дементьев психанул, приревновал. А она обиделась. Но все-таки объяснила, что нигериец этот и правда приходил вечерами. Но она с ним занималась русским языком, за деньги, ведь они так нуждались. Ссора была недолгой, а примирение сладким.

Но Климов все равно не унимался. Твердил: наиграется, бросит, сбежит.

Однако Инна прижилась, пообвыклась. Хотя ей тоже было непросто.

Убогий общажный быт после профессорских хором её и правда угнетал. Она училась готовить, стирать, гладить – то, что прежде всегда делала у них домработница. Но, главное, училась выживать в общежитии, где не только Стас, но и девчонки из соседних комнат её не приняли. Пожалуй, только комендантша прониклась к ней теплом и помогала всем, чем могла.

Вот и столовую им под свадьбу предоставила бесплатно. Друзья Инны на свадьбу не пришли.

То есть на церемонии поприсутствовали, даже что-то подарили в большой красивой коробке с золотым бантом. А потом, когда все высыпали на улицу, Инна позвала их на празднество. И друзья её, все как один, соорудили гримасы, как будто она предложила им нырнуть в отхожую яму. Даже лучшая подруга зашипела:

– Куда? В общагу? Инн, ты серьезно? Этот нищевод не смог найти приличный ресторан? И ты с ним реально собираешься жить? Нет, Инн, ты прости, но в общагу мы не поедem. Брр.

Дементьев напряженно вслушивался и видел, как Инна кивнула подруге со сдержанной улыбкой:

– Понятно. Спасибо, что приехали поздравить.

Коробку с золотым бантом она оставила на бортике фонтана.

Тогда он поклялся, что будет любить её вечно.

– Ты никогда не пожалеешь, что выбрала меня, – обнимая её, стройную и изящную, шептал он, задыхаясь от собственных чувств. – Я всегда буду тебя любить. Тебя одну.

Но потом на свадьбе она и правда сидела как чужая. Кругом галдели, веселились, напились студенты, и Инна никак не вписывалась в эту картину. И Никита сам это чувствовал, хотя всеми силами старался заглушить это неуютное ощущение.

Стас Климов опрокидывал рюмку за рюмкой, бормоча: «Друга потерял». А когда дошла очередь до тоста, встал, уже нетрезвый, и высказал:

– Ник, ты знаешь, я за тебя... что угодно... кого угодно... Ты мне как брат. Жизни бы не пожалел. Но она, – он указал в Инну пальцем, – твоя самая большая ошибка. Она уже из тебя веревки вьет, а чё потом? Эта маленькая подлая дрянь всю кровь из тебя высосет и выплюнет...

Дементьев тогда в кипучем гневe набросился на лучшего друга с кулаками и устроил в столовой их общежития суший погром. Инна же, выслушав оскорбления Стаса, даже в лице не изменилась. Сидела за столом, уставленным тарелками с винегретом и котлетами, бесстрастная и невозмутимая, как царица, ни на кого не обращая внимания.

Что уж... Она не плакала даже в тот проклятый вечер, почти месяц назад, когда Дементьев вернулся домой и признался, что был с другой. Не поверила сначала. Смотрела, еще улыбаясь, в его глаза, искала правду и нашла...

Несколько минут она безмолвно стояла у этого же окна, на кухне. Смотрела во двор, словно закаменев. Спросила только: «Кто она?».

Дементьев ответил сдавленно: «Диана. С работы».

Он стоял в дверях, смотрел на ее спину и тоже больше не мог произнести ни слова, кроме тупого «прости».

А на кухонном столе стыл ужин, стояли незажженные свечи, бокалы, бутылка вина.

Спустя несколько бесконечных минут, Инна обернулась – на лице ни слезинки. И сказала с пугающим спокойствием:

– Ты должен уйти. Прямо сейчас. Совсем. Я больше не хочу тебя видеть.

– Прости меня. Я не хотел...

– Нет, – пресекла она его. – Ничего не говори. Не унижай ни меня, ни себя. Просто уйди. Я не могу даже находиться с тобой рядом. И если ты не уйдешь, уйду я.

7.

– Что будем делать? Нельзя же просто сидеть и ждать, – первой нарушила молчание Инна. Произнесла сдавленно, не оглядываясь на него. Будто в пространство. Она вообще избегала на него смотреть.

Ещё слишком острой была боль. Даже сейчас.

Его присутствие давило. Мешало дышать, отравляло сам воздух.

Он же, наоборот, смотрел на нее, долго и пристально. Она чувствовала его взгляд легким жжением где-то чуть выше лопаток. И ещё поэтому не хотела оглядываться. Не хотела, чтобы он видел, как ей больно. Как плохо без него.

Инна думала, что если запретит ему приходить, если не будет так часто видеть, то станет легче. Не сразу, но хотя бы постепенно. Ведь любая, самая сильная рана, затягивается.

Он согласился. Выслушал ее, кивнул и ушел.

И с того дня как отрезало: перестал звонить, писать, приходить к ним. Уже две недели.

Лишь пару раз он поднялся в дом – принес продукты и памперсы. И то – молча отдал в руки, развернулся, ах да, ещё спросил для приличия: «Как Маша? Нормально? Что-то нужно еще? Нет? Ясно».

И всё.

Он смог жить дальше. Без них.

Да, по ее просьбе. Да, она сама ему так велела. Но почему-то очень болезненным и горьким оказалось это его скорое согласие. Словно он вот так, по щелчку, разлюбил их...

– Тебе надо быть тут, – произнес наконец Никита. – Дома. Вдруг Митя вернется. А я сейчас свяжусь с этим поисковым отрядом...

Инна почувствовала, что он больше не смотрит на нее. Легкое жжение стихло. Обернулась: он и правда теперь выглядывал в окно, будто можно было что-то увидеть в такой темноте.

– Черт, да как так-то? – выпалил он вдруг с чувством. – Куда он мог пойти? Ладно, извини...

Он стал что-то набирать в телефоне.

– Может, обойдем соседей? По очереди... Я не могу просто сидеть дома. Вдруг Митя в эту самую минуту...

От этих мыслей стыла кровь.

– Не думай так, – не отрываясь от экрана, произнес он. – Всё будет хорошо, Инн. Наш сын обязательно найдется. Его уже ищут. И соседей уже обходят. Не нервничай так. Маша спит? Может, тебе принять какое-нибудь успокоительное?

Потом хмуро взглянул на нее.

– Слушай. Может, он... – Никита замялся, будто прикидывал: сказать - не сказать. – Может, Митька сбежал? Ну, типа, чтобы мы помирились.

– Нет. Нет-нет. Митя не стал бы так с нами поступать. Как ты можешь так думать?

– Мне и следак такую версию выдвинул. Хотя я тоже сказал, что это бред. Но вообще Митька мне не раз говорил... просил, чтобы я вернулся.

– Если это так... – севшим голосом промолвила Инна, но Никита жестом остановил её: – Погоди. Вот их номер.

Прижимая телефон к уху, он вышел из кухни в гостиную.

– У нас ребенок потерялся... семь лет... – доносилось из гостиной. – Пропал по дороге из школы. В начале седьмого. Да, заявление в полицию уже подали. Они нам и посоветовали обратиться к вам. Хорошо, спасибо, записывайте адрес...

Никита вернулся на кухню.

– Сейчас приедут. Инн, им нужна свежая и четкая Митькина фотография. Они её ретиражируют... Он сказал, можно в электронном виде. Блин, ноута с собой сейчас нет. И телефона... Можно и распечатанную. Даже лучше. У нас же были...

Она кивнула. На деревянных ногах подошла к стеллажу. С верхней полки достала толстую пластиковую папку с документами. Туда же она как раз недавно убрала конверт с фотографиями, сделанными в салоне. Стала перебирать фотографии: вот он еще малыш, а вот они втроем, а здесь её мальчик пошел в первый класс... В черных глазах плещется солнце. Темные вихры торчком, хоть Инна тогда битый час их укладывала.

Сердце резко сжалось. В груди снова заколотилась паника. Господи, только бы он вернулся! Скорее! Только бы с ним ничего не случилось!

Руки мелко задрожали, и снимки выскользнули и рассыпались по полу. Она присела на корточки, стала собирать фотографии, дыша часто, прерывисто. И не выдержала, не сумела. Села прямо на пол обессиленно. Зажмурилась, прижала обе ладони крепко к губам, заглушая рвущийся плач. По щекам заструились слезы.

Краем глаза Инна видела, что к ней подошел Никита, но не могла ничего с собой поделать. Её будто прорвало. Пробило в ней брешь. И всё, что так долго копилось, болело, кипело внутри, хлынуло вдруг безудержным потоком.

Она не могла его даже оттолкнуть, когда он тоже присел рядом на корточки, когда снова обнял за плечи, когда его запах окутал её.

– Инна, мы найдем его. Успокойся, не плачь. Все будет хорошо.

– Верни мне Митю... – выдохнула она.

– Конечно! Он вернется. Я тебе обещаю.

Но Инна будто его не слышала, повторяя надрывно сквозь слезы:

– Верни мне Митю... Умоляю, верни мне Митю...

Никита поднялся, вышел из комнаты, но через пару минут вернулся с кружкой.

– Вот, выпей. Инна, слышишь, выпей...

Она не реагировала, тогда он сам приложил к её губам кружку. Заставил выпить почти до дна воду с мятно-горьким привкусом.

– Сейчас ты немного успокоишься... Давай... вставай...

Он поднял её на руки, усадил на диван. Потом собрал с пола фотографии.

– Как ты можешь быть таким спокойным? – Инну все еще трясло. – Наш мальчик в беде. Я это чувствую. С ним что-то случилось... Это всё ты виноват! Это всё из-за тебя! Наш сын пропал из-за тебя!

Несколько минут он стоял посреди комнаты с фотографиями в руке и смотрел на неё, ни слова не говоря. И так же молча вышел.

Съежившись, подтянув ноги к груди, Инна сидела на диване, еще всхлипывая, но реже и реже. Постепенно на неё навалилась тяжесть. Эта внезапная истерика окончательно истощила её. А, может, действовало успокоительное.

"Митенька, где же ты", – шептала она сквозь затихающие всхлипы.

А потом в дверь позвонили. Она, тут же встрепенувшись, вскочила, кинулась в прихожую. Пришел?! Вернулся?!

Но нет, это оказался незнакомый молодой мужчина в штормовке.

Никита впустил его и проводил на кухню. Инна, покачиваясь, вошла следом. Привалившись плечом к косяку, встала в проеме.

– Здравствуйте, – поздоровался мужчина и сразу обратился к Никите. – Так понимаю, это мы с вами разговаривали по телефону? Вы – отец мальчика? А я – Роман, координатор поисково-спасательного отряда.

8.

Роман, координатор поисково-спасательного отряда, взял у Дементьева фотографии Мити, отобрал одну в свою папку. Ещё какие-то снимки Инна скинула ему на электронную почту.

– Так, отлично. Наши сейчас подготовят ориентировки, распечатают, распространят по соцсетям и сайтам. И сразу начнут обход домов, детских площадок, остановок, магазинов, в общем, проверят все места, куда он мог по пути зайти. А пока я задам вам кое-какие вопросы о вашем ребенке... Извините, можно воды?

Инна налила ему из графина в высокий стакан. Подала и опять встала у дверей, как на посту.

– Спасибо. Так, после опроса съездим с вами в отдел. Ваш опер должен получить видео с наружных камер. Посмотрим... ну и, если до того момента ничего не прояснится, скоординируем поиски, исходя из записей с камер... ну и того, что вы сможете рассказать о своем сыне. Поэтому постарайтесь сейчас предельно точно ответить на все мои вопросы.

– Хорошо, – кивнул Дементьев и оглянулся на Инну. Она так и стояла в проеме, безмолвная, оглушенная горем. Обнимала себя за плечи, словно мерзла и пыталась согреться. И с какой-то больной надеждой смотрела на этого координатора, хотя взгляд её слегка плыл – Дементьев накапал ей слоновью дозу успокоительного.

– Итак, первое: друзья Мити, – начал Роман опрос. – Имена, контакты, адреса. С кем общается, к кому ходит в гости.

– У него только один друг. Ваня... – Дементьев задумался.

– Синицын, – подсказала Инна. – Живет в соседнем подъезде, в сороковой квартире. Но я звонила его маме. Мити у них нет.

– Все равно надо поговорить с этим Ваней. Может, он что-то знает. Может, Митя ему что-то рассказывал. Например, куда собирался пойти. Ещё с кем-то ваш сын общается?

Инна качнула головой.

– Близко – нет. В классе сначала общался с некоторыми ребятами, но потом перестал.

– Почему?

– Поссорился, – пожала плечами Инна. – Наверное. Вы же знаете, как у детей бывает. Ссорятся-миряются...

– И вы не спрашивали у него причину ссоры?

– Спрашивали. Он сказал лишь, что не хочет ни с кем там дружить.

– На продлёнке он общается с одной девочкой, – припомнил Дементьев. – Несколько раз видел их вместе, когда забирал Митьку. То ли Катя, то ли... Она из первого «Б». В сиреневой куртке ходит. Фамилию не знаю. Но это можно, наверное, узнать у учителей.

Роман кивнул, что-то пометив у себя в блокноте.

– Далее: родственники. Кто-то есть, к кому мог пойти ребенок?

– Только мои родители, но я им звонила. Митя не у них.

– Всё равно надо проверить, напишите адрес. Так-с... Своего телефона у ребенка, как я понимаю, нет?

– Он его потерял. В школе. Недели две назад. Новый пока не купили.

– Да, телефон учителя мне еще дайте, пожалуйста. Ну и расскажите, чем живет ребенок, чем интересуется, чем занимается в свободное время...

Роман расспрашивал их похлеще следователя, потом изъявил желание осмотреть Митину комнату. Сунулся во все шкафы и выдвижные ящики, осмотрел полки, даже под матрас заглянул, но ничего примечательного не обнаружил. Дементьев с Инной следили за его действиями, как зрители за манипуляциями иллюзиониста в ожидании чуда.

Затем ему позвонили на сотовый. Бросив взгляд на экран, Роман сказал:

– Прошу прощения, это инфорг поиска. Да, Егор... Соседние дома тоже обошли? И никто его не видел? ... Ясно... Ориентировки готовы? ... Ну, поторопитесь там. Скоро уже ночь... Оповестили? Ещё подъехали люди? ... Ну, отлично... Сейчас я буду.

С хмурой сосредоточенностью он посмотрел на Дементьева.

– В общем, так. Я сейчас отправляюсь в штаб, мы его организовали в вашей школе. И оттуда сразу сюда, к вам. Все контакты, что вы дали, – он постучал ручкой по блокноту, – мы сейчас отработаем.

– А нам что делать? – спросили оба в унисон.

– Пока не вернусь, ждите здесь. Подумайте заодно, повспоминайте, может, что упустили. Ладно, не прощаюсь.

Роман быстро собрался и убежал.

Инна на цыпочках заглянула в детскую, буквально на минуту. Затем вернулась на кухню. Взяла со стола стакан, из которого пил воду координатор, и стала намывать с каким-то одержимым тщанием.

Дементьев понимал – она просто пытается себя чем-то занять, чтобы не свихнуться. Но выглядело это малость пугающе.

– Как Маша? – спросил Дементьев.

– Сейчас нормально. Спит, – безучастно ответила Инна, не оборачиваясь на него. Впрочем, даже когда она стояла к нему лицом, её взгляд все время ускользал, пробежал мимо него, даже не касаясь.

«Не хочет видеть», – понимал он.

Сам же он, наоборот, прилип взглядом к её узкой прямой спине с округлыми бугорками позвонков над воротом домашней футболки. К светлым волосам, собранным в живописно-беспорядочный ворох на затылке, к упрямым завиткам на шее и за ушами.

Инна заметно похудела. Она и так была стройной, а сейчас – просто кожа да кости. И всё же эта худоба ее не портила. Не делала похожей на какую-нибудь корягу, как часто бывает с резко похудевшими людьми. Просто добавила звонкой хрупкости.

Раньше Дементьев любил подходить к ней сзади, когда она стояла у плиты или кухонного стола, и целовать эти самые позвонки, едва касаясь губами, вдыхать молочный запах...

Ей тоже это нравилось... когда-то раньше. Когда она ещё откликалась на его прикосновения и ласки. Когда сама щедро дарила их.

Несмотря на чудовищность ситуации, Дементьев вдруг на долгий миг забылся. Засмотрелся на неё. Потому что долго не видел её вот так, близко. Две недели, если быть точным. И сейчас тоска, словно спрут, выпустила ледяные щупальца, опутала внутренности, впилась, впрыснула в кровь парализующий токсин.

Так живо и ярко вспомнил вдруг их первую встречу. Даже, казалось, запах того дня ощутил по-настоящему.

А пахло тогда цветущей черемухой. Причем возле университета если и росло что-то, то одни лишь чахлые кустики. Но майский ветер разносил по улицам хмельной аромат, от которого слегка кружило голову.

В тот день они стояли на автобусной остановке: сам Дементьев, Стас Климов, Юрка Самохин и девчонки, Юля, Даша и ещё одна... её имени он не помнил. Впрочем, по имени её вроде никто и не звал – у них в общежитии она была для всех просто Мышкой. Такая же маленькая, невзрачная, тихая, с куцым хвостиком и в очках. Она вечно была в тени своих подруг, ярких, веселых, раскомплексованных. Юлька с Дашкой наперебой кокетничали с парнями, хотя на самом деле – с ним. Громко и заливисто хохотали над каждым словом. И, стоя на месте, умудрялись источать призыв к сексу.

Девчонки всегда уделяли ему повышенное внимание, ещё со школы. В старших классах две даже как-то подрались из-за него.

В общежитии универа такого треша, конечно, уже не было, но все равно почти в каждой девчачьей комнате относились к нему очень благосклонно: подкармливали, зазывали на гулянки, пришивали ему пуговицы, гладили рубашки. Та же Мышка, например, его стригла. И всё это просто за спасибо.

А тогда Дементьев только-только порвал с очередной подружкой и с благодушием отзывался на заигрывания Даши и Юли. Ждал автобус, курил и раздумывал: замутить или не замутить с кем-нибудь из них? Если да, то с какой?

И тут появились они. Инна Немирецкая и её подруги. Блондинка и две шатенки. «Три грации». Кто-то так прозвал их в насмешку, и прилепилось. Климов же просто говорил о них, кривясь: "эти охреневшие мажорки".

Их знал, наверное, весь универ, хотя сами они держались так, словно никого не замечают, не знают и знать не хотят. И компания у них была своя – иногда к универу подъезжали парни на дорогих тачках. Увозили-привозили этих кукол.

Вышагивали «грации» как по подиуму, бесстрастно, изящно, надменно. Все три красивы. Но Дементьеву всегда больше нравились блондинки, особенно такие, с платиновым отливом. Хотя в то время он на Инну даже не смотрел. Какой смысл? Она ведь была не то что неприступная, а вообще недосягаемая. Да и не понравилась она ему сначала. И это если ещё мягко.

Эта троица направлялась к такси, когда Дашка с Юлькой над чем-то в очередной раз захохотали и привлекли внимание.

– Общажники, – бросила одна из «граций». Чётко и громко. С насмешкой и презрением. Как о чем-то позорном и отвратительном. Его тогда это страшно уязвило, даже не само слово, а то каким тоном оно было сказано.

Вспыхнув, он повернул голову и наткнулся на ледяной взгляд блондинки. Инны Немирежкой.

9.

Это потом уже Дементьев узнал, что Инна при всей своей внешней надменности никогда не стала бы вот так унижать кого-то, тем более без всяких причин. Но тогда он не понял, кто из трех подруг назвал их презрительно общажниками. Да и какая разница? Они все три друг друга стоили, считал он в то время. И именно её холодный отстраненный взгляд подлил масла в огонь.

Стас, придурок, сразу вскинул руку в неприличном жесте. И сквозь лед в её взгляде отчетливо проступила брезгливость.

Затем девушки сели в такси и уехали. А они остались. Только настроение у него почему-то резко испортилось. Девчонки по-прежнему хохотали, Стас похабно шутил в адрес «охреневших мажорков», Юрка Самохин подхватывал его шуточки, а Дементьеву всё это казалось тупым и безмерно раздражало.

Он даже сорвался на Стаса:

– Можешь заткнуться? Достал.

– Ты чего, Ник, перегрелся? – изумился Стас. – Или ты из-за этих сучек бесишься?

Они тогда чуть не разругались прямо на остановке. Девчонки вмешались, утихомирили обоих.

Второй раз Дементьев встретился лицом к лицу с Инной почти месяц спустя, в середине июня. В разгар летней сессии.

Накануне у него вышел конфликт с одним из преподавателей. Тот проехался по его внешнему виду – в ту пору Дементьев почитал гранж во всем: от музыкальных пристрастий до одежды. И на экзамен по политологии появился в драных голубых джинсах и черной футболке с ликом Курта Кобейна. Ехидные замечания преподавателя он не оценил, сгоряча нагрубил и был выгнан вон. А на следующий день его вызвали в деканат.

Дементьев знал, что Шестакова, декан, славилась желчным нравом, но все равно не ожидал такой зверской выволочки. И как раз когда его там песочили, в дверях возникла она. Инна Немирецкая. Как староста она принесла в деканат зачетки своей группы.

Шестакова сию секунду преобразилась. Стала почти ласковой. Приняла у Немирецкой стопку зачетов и спросила елеинным голосом, всё ли у Инночки хорошо и как дела у папы-профессора. Потом отмахнулась от Дементьева, как от бестолковой мухи, бросив: «Всё, свободен».

Он развернулся к выходу, Инна посторонилась, давая пройти. И снова они встретились взглядом. Только он опалил её жгучим гневом, словно её в том вина, что его так при ней унизили. А она – окатила ушатом ледяного высокомерия.

Настроение после этой встречи опять было хуже некуда. Даже то, что он тут же без труда пересдал политологию, ничуть не приободрило.

И что самое странное – он так скис не из-за злобной деканши, а из-за этого мимолетного мгновения.

Дементьев сам себя не понимал: ну неприятная ситуация, да, но не конец же света. Кто она вообще такая, эта Немирецкая? Не плевать ли, что она там про него подумала? Инночка, блин... Надо выкинуть всё это из головы.

Но выкинуть не очень получалось.

Тем же вечером в общежитии закатали большую пьянку по случаю окончания сессии. Гуляли в комнате девчонок толпой, человек двенадцать, если не больше. И его постоянно дергали: ты чего такой? С тобой что? Кто-то умер? Он только отмахивался, чтоб отстали.

А утром его ждал шок.

Проснувшись с тяжелой похмельной головой, Дементьев не сразу сообразил, что с ним в кровати кто-то есть. Потом почувствовал чужое дыхание в спину, повернулся и обомлел. Рядом тихонько посапывала Мышка.

Их студенческие пьянки, бывало, заканчивались внезапной страстью. Со своей бывшей подругой Дементьев вот так и познакомился – после подобной ночи. Но Мышка...

Ладно бы Дашка или Юлька. Да кто угодно... Но её Дементьев и как девушку едва ли воспринимал. Мышка с ним в постели – это анекдот какой-то. Тем не менее трусов на себе он не обнаружил. Хотя на ней белье углядел, когда приподнял одеяло. Это немного обнадеживало. Может, до секса у них и не дошло? Ведь это же Мышка! Ну какой с ней секс?

В то утро неловкого разговора удалось избежать – он ушел в душ, а когда вернулся, Мышки уже не было. Ну а потом все они разъехались на лето, а к осени он уже и забыл про это недоразумение.

Дипломную работу Дементьев писал у Гречман. Пожилая профессорша дипломников почти не брала, хотя к ней рвались многие. Но к нему она благоволила, вот и сделала исключение.

Как оказалось, не только ему. Но ещё и Инне Немирецкой. Темы дипломных работ у них перекликались, так что Гречман назначала обоим одновременно. Иногда в пустой аудитории после пар, а иногда вообще у себя дома.

Присутствие Инны его нервировало. Он едва мог сосредоточиться и с трудом отвечал на вопросы. Зато четко улавливал каждое ее движение, причем даже не глядя на нее. Вот она что-то пишет, вот накручивает на палец светлый локон, вот поворачивается к нему. Когда она на него смотрела, он вообще деревенел.

Аромат ее духов был приятным и ненавязчивым, но Дементьеву казалось, что ему нечем дышать.

Тяжелее всего было, когда профессорша оставляла их наедине. Тогда от напряжения в аудитории трещал воздух.

Как-то Гречман заставила их спорить между собой, отстаивать свою точку зрения. Сначала из этой затеи ничего не выходило. Оба, старательно не глядя друг на друга, что-то высказали без особой убежденности. Но слово за слово – и всё-таки они втянулись. И так в итоге увлеклись, что потом Дементьев переживал, не был ли в пылу слишком груб.

Однажды кто-то сунулся в аудиторию, распахнул дверь, и сквозняком смело со стола её записи. Он без всякой задней мысли свесился со стула, собрал её бумаги и положил перед ней на стол. Случайно поймал её взгляд и увидел, что она улыбнулась. Ему. Краешком губ, но от её улыбки повеяло не просто вежливостью, а теплом. И сердце ёкнуло. Сжалось в комок, замерло на несколько секунд, а потом понеслось галопом.

Тогда или чуть позже Дементьев осознал, что у него к ней вовсе не неприязнь и не ненависть, а что – сам пока не понимал. И даже не пытался анализировать. Просто ждал этих занятий с каким-то нервным нетерпением. А когда Гречман заболела и целых три недели не назначала им встреч, он весь извелся.

Потом случайно встретил Инну в фойе, и сердце дернулось и задрожало точно так же, как тогда, когда она улыбнулась ему. В другой раз он уже не ждал случайностей, а специально высматривал Немирецкую, проверяя по расписанию, где и какие пары в её группе.

Потом Гречман, слава богу, поправилась и возобновила их занятия. Только вот находиться рядом с Инной стало ещё сложнее. Раньше ему мешала злость, а тут – попробуй пойми что.

Это была какая-то адская смесь: и тянущая тоска, и что-то сильно похожее на восхищение, и, чего уж, острое влечение.

Он дошел до того, что фантазировал о ней в душе, как подросток. Но не мог себя заставить даже заговорить с ней вне этих занятий. Да и что он мог сказать? Что мог предложить? Прекрасно ведь понимал, что между ними пропасть. Любой подкат к ней будет выглядеть пошло и тупо. Надо просто проветрить голову, говорил он себе, переключиться. Но прежние приемы не срабатывали. На других не то что не тянуло, а отталкивало.

Дементьев с ума сходил, когда видел Инну с кем-то из мужчин, будь то её компания, сокурсники или препода. И это её ещё никто не трогал при нем. И все равно от ревности пекло в груди невыносимо.

Как-то раз он торопился к Гречман, она им назначила прийти вечером. Взлетел на четвертый этаж старого корпуса и в коридоре в отдалении увидел двоих: Инну и какого-то молодого преподавателя. Они просто разговаривали – о чем, он даже не слышал. А потом этот чертов препод повел её куда-то, приобняв за талию.

Жар ударил ему в лицо, будто он сунул голову в раскаленную духовку. Кровь хлынула вверх, бешено пульсируя в сонной артерии, в висках, в барабанных перепонках. Дементьев ворвался в аудиторию. Но Гречман на месте не оказалось. То ли задерживалась она, то ли вообще забыла.

Пару минут он сидел один в пустом помещении. Сидел, стиснув челюсти, сжимая-разжимая кулаки. Потом вскочил. Да пошло оно всё! Устремился к двери, и тут в аудиторию вошла, почти вбежала Инна. Налетела на него. Или он на неё.

Наверное, у него и в самом деле помутился тогда рассудок. Иначе как объяснить, что он спустя секунду впился в её губы, нагло, жадно, бесстыже, так, как даже и не мечтал. В первый момент она застыла, оторопев. А потом... потом ответила на поцелуй.

Закрутилось у них все стремительно даже по студенческим меркам. Перед Новым годом Инна познакомила Дементьева с родителями. Пригласила на званный обед к себе домой.

Как он тогда готовился! Отгладил идеальные стрелки на брюках, надел кипенно белую рубашку и даже галстук нацепил. Хотел ещё постричься, а то оброс. Заглянул к Мышке, но с удивлением узнал, что она больше не живет в общежитии и вообще ушла в академ. Съездил тогда в парикмахерскую на рынке – там стригли без очереди и недорого. Там же, на рынке, купил розы для матери Инны.

Но обед обернулся катастрофой. Нет, ему Алла Арнольдовна ничего не сказала, даже поблагодарила за букет и проводила к накрытому столу. Но затем позвала за собой Инну в другую комнату. В гостиной тихо бубнило радио, да и отец Инны из вежливости о чем-то с ним пытался говорить. Но потом Дементьев, спросив, где уборная, вышел в коридор. И там уже отчетливо услышал голос Аллы Арнольдовны:

«Ты кого к нам привела? ... Ты в какой подворотне его нашла? ... После его ухода только проверять, всё ли на месте... Я даже слушать не желаю ... Моя дочь не может быть настолько глупой и неразборчивой, чтобы встречаться с вахлаком...»

Дементьев тогда ушел сразу, не прощаясь. Потом кружил час или два по заснеженным улицам. Не хотел идти домой. Знал, что Климов тут же начнет: «А я говорил тебе, что это за люди».

Только когда чуть-чуть успокоился, поехал в общежитие. А когда поднялся к себе на этаж – ошолбенел. В коридоре, у двери их комнаты стояла Инна Немирецкая. И стояла, очевидно, уже давно.

Он хотел сказать ей: «Зачем пришла? Иди домой, проверяй, всё ли на месте, а то мало ли, кто меня, вахлака, знает». Но не смог. Встретил её взгляд, и слова встали комом. Он просто подошел к ней, обнял, и она порывисто к нему прижалась.

– Ты давно здесь? – хрипло прошептал Дементьев, не выпуская её из рук.

– Где-то полтора часа.

– А что родители?

– Не знаю. Ты слышал, что она сказала? Прости, пожалуйста. Я не знала, я не думала, что она так... прости...

– Тебе не за что извиняться. Дети за родителей... сама знаешь, – усмехнулся он, чувствуя, как отогревается его сердце. – Инн, а ты почему тут стоишь? Почему не в комнате?

– Меня не приглашали, – пожала она плечами.

Стас и правда тогда Инну не впустил, за что Дементьев с ним позже, конечно, поругался. Но тот день все равно запомнился навсегда, как один из самых счастливых. В тот вечер он спровадил Климова к соседям, а Инна осталась у него. В ту ночь у них впервые случилась близость, и он горячо шептал ей, как любит. Больше жизни её любит.

А утром Дементьев предложил ей выйти замуж, правда, в шутку:

– Ну всё, теперь я, как честный человек, просто обязан на тебе жениться. Пойдешь за меня?

Хотя за этой шуткой скорее прятался собственный страх: вдруг откажет? Вдруг насмехаться станет?

Но Инна ответила неожиданно серьезно:

– Да...

10.

Вскоре после свадьбы они съехали из общежития в съемную комнату. Денег не хватало катастрофически, но Инна мучилась от жесточайшего токсикоза. Чуть что – её выворачивало, особенно от запаха жареной картошки, а ею пахло почти постоянно то из одной комнаты, то из другой. И спать она не могла нормально от несмолкаемого шума – вечно кто-нибудь да гулял. Ещё и защита диплома у обоих была на носу.

Никита поначалу ходил по соседям, просил хотя бы поздно не включать громко музыку. Пока однажды снова не сцепился с Климовым, с которым они после свадьбы прекратили общаться.

Был первый час ночи, а у Юрки Самохина веселье только набирало обороты. Из коридора неслись пьяные вопли, а низкий бит, от которого вибрировали и пол, и стены, и кровать, изводил даже привыкшего ко всему Дементьева.

Он поцеловал мертвенно бледную, свернувшуюся калачиком Инну, натянул на голое тело шорты и вышел в коридор. Привычно стукнулся к Юрке и попросил, чтобы убавили громкость и перестали так орать. Но встретил там Климова, который трезвым его демонстративно игнорировал, а тут, в подпитии, сразу вскинулся:

– С хрена ли? Это ты, Дёма, можешь перед своей принцесской на задних лапках выплясывать и хвостиком вилять. А мы не обязаны.

Никита тотчас завелся, но девчонки попытались сгладить:

– Всё-всё, мы сделаем потише.

Но только он вышел от Самохина, как услышал из-за двери:

– С-с-сука, сделала из Дёмы тряпку. Прислугу какую-то. Ладно, он бросил курить и бухать, его Инночке, это не нравится. Ладно, друга на бабу променял. Ничего, переживём...

Дементьев повернул назад. Хотелось до зуда в руках ворваться и все же тряхнуть Стаса как следует. Но в последний миг остановился. Инна такие разборки порицала. Да и что с пьяного придурка взять?

Тем временем Климов продолжал разглагольствовать:

– Но вчера ночью в душе Дёма стирал. С тазиком такой наяривал. Не, ну прикиньте?

– И что такого? Сам что, не стираешь никогда? – хохотнули девчонки.

– Ну так я-то своё. А он – бабский халат.

– Клим, ну ты чего? – укорила Стаса Дашка. – Инна у Никиты беременна, её вон постоянно полощет в туалете. Она по коридору-то ходит – за стенку держится. Еле живая. Мне тоже она не особо, но вот сейчас её жалко.

– Ну-ну, беременная она, – хмыкнул Стас. – От кого она ещё беременна – вопрос. То-то к ней этот нигериец таскался...

Дементьев влетел так, что чуть дверь не вышиб. Под визг девчонок схватил за грудки Стаса, выдернул из-за стола и несколько раз ударил в лицо, пока другие парни не опомнились и не оттащили его.

Когда вернулся в комнату, Инна спросила:

– Что там за крики были?

Потом увидела разбитые костяшки и больше ничего спрашивать не стала. Но позже попросила:

– Никита, давай снимем... пусть не квартиру, а комнату? Я знаю, что у нас туго с деньгами. Я... я могу у папы попросить. Он тайком от мамы даст, она даже ничего не узнает.

– Ну уж нет! – выпалил он. – Найдем комнату, но просить у них даже не думай. Сам справлюсь.

Им тогда повезло снять уютную комнату за сущие копейки, правда, с хозяйкой, но та оказалась милой интеллигентной пенсионеркой. Инна опасалась, что после рождения малыша придется снова искать жилье, но Митька был на удивление спокойным. Много ел, много спал и почти не плакал. Они беды с ним не знали.

Вскоре на горизонте вновь объявилась Алла Арнольдовна. Захотела помириться с дочерью и познакомиться с внуком.

Дементьеву эта смена курса не слишком понравилась. Без нее жилось спокойнее.

– Она что, смертельно приболела? С чего это вдруг? – спрашивал он Инну. Она лишь взглянула укоризненно.

– Твоя мать тебя выгнала из дома! – Та ситуация до сих пор не укладывалась у него в голове.

– Да, но какая-никакая, а она всё-таки моя мама...

Против этого возразить было нечего. Своей матери он бы тоже всё простил. К тому же тёща сначала и не показывалась на глаза. Приглашала Инну с Митькой в гости, а сама к ним не ходила.

Это потом уже, спустя два года, когда они взяли в ипотеку собственную квартиру, Алла Арнольдовна стала наносить регулярные визиты. Потому что чувствовала себя вправде.

– Если б я не попросила кое-кого взять этого твоего в приличное место, он так бы и прозябал в шарашкиной конторе, а вы бы так и скитались по съемным углам, – повторяла она неоднократно.

Алла Арнольдовна в самом деле пристроила его в финансово-строительный холдинг, крупнейший в городе, попросив какого-то своего родственника в совете директоров. Только вот Дементьев ни в какую не хотел туда идти. Отказывался наотрез, как Инна его ни уговаривала, какие доводы ни приводила:

– Никит, ну, пожалуйста, соглашайся. Там зарплата в два раза больше и перспективы. А еще можно взять ипотеку на отличных условиях. Я знаю, что ты от мамы никакой помощи не хочешь. И понимаю, что тебе придется наступить себе на горло. Но это не самая большая жертва. Зато сможем хоть жить нормально. Я ведь не для себя прошу. Сама бы я потерпела, ты знаешь. Но для Мити хочется лучшего...

В конце концов Инна сдалась. Вздохнув, сказала:

– Ладно, нет так нет.

Дементьев тотчас устыдился: какого черта он свою гордость ставит выше? И, конечно же, уступил. Как уступал ей почти во всё. И если не считать присутствия в их жизни Аллы Арнольдовны, до поры было всё отлично. Её он терпел из-за Инны. Пару раз срывался и грубил, но Инну такие моменты очень расстраивали, так что со временем он приучил себя почти не реагировать на тещу, говоря себе: «Собака лает – ветер уносит». Да и приходила она обычно в то время, когда он на работе.

А когда и как всё пошло не туда – он и сам не понял. Просто в какой-то момент всё полетело к чертям, и он сломался...

За шесть лет в компании Дементьев дослужился до начальника отдела координации производства и уверенно двигался вперед. Его проект победил и принес компании многомиллионную сделку.

Над проектом он, конечно, трудился не один, а с коллегами – Николаем Сергеевичем, Славкой и Дианой.

Все четверо выложились по полной. Особенно в последний месяц перед сдачей пришлось туго. Оставалась куча мелких недоделок, сроки горели, начальство торопило. Дементьеву, как руководителю проекта, приходилось задерживаться допоздна. Чуть ли не ночевать на работе. Славка оставаться подольше не мог – он жил в пригороде и в шесть вечер мчался на последнюю

электричку. Николая Сергеевича эта запарка вовсе выбила из колеи – под конец он с давлением ушел на больничный.

Зато Диана самоотверженно оставалась с ним до последнего. Дементьев не раз отправлял и её домой:

– Диана, уже поздно. Тебя там дома, наверное, потеряли уже. Иди. Отдыхать давно пора.

Его-то самого снедала мысль о доме. С этим проектом и постоянными задержками весь последний месяц он появлялся, когда Инна уже спала или делала вид, что спала. А утром едва с ним разговаривала. Хорошо хоть с зубами у Маши настало затишье.

– Не потеряли, – вела плечом Диана, не отрываясь от работы. – Я одна живу. Вот закончим наш проект, и тогда отдохну.

– Что бы я без тебя делал.

Она в ответ лишь улыбалась.

11.

Диана работала у них уже второй год. Перевелась к ним из другого филиала и разбавила мужской коллектив.

Сначала её воспринимали скептически, называли «типичной блондинкой», язвили, но на усмешки она внимания не обращала. Как и на попытки того же Славки к ней подкатить. Держалась дружелюбно, но фриivolностей не допускала. И работала хорошо. Дементьев её ценил. Да и остальные тоже изменили к ней отношение.

А вот Инне она почему-то не нравилась. С первого, точнее, единственного взгляда. Потому что виделись они только раз, прошлой весной. Когда руководство расщедрилось и выкупило для сотрудников на майские праздники турбазу на берегу Байкала. Дементьев тогда взял с собой Инну, тогда еще беременную. Митьку они оставили у тёщи с тестем.

Ничего особенного не было: выпивали, ели шашлыки, общались, дышали чистым воздухом. Диану он вообще едва помнил в тот день. Он почти и не отходил от жены. Но вот Инна её заметила. Позже даже сказала:

- А она знает, чего хочет.
- Разве это плохо? – благодушно спросил Дементьев.
- Смотря чего она хочет.

Тогда он не придал значения её словам, а сейчас думал: вот что это было? Пресловутая женская интуиция? Проницательность? Какое-то особенно чуткое восприятие? Чего ему самому явно не доставало. Он ведь почти до конца считал, что всё у них с Инной хорошо.

Единственное – в последнее время напрягало то, что секс у них стал редкостью. За полгода – по пальцам можно перечест. Последний раз был ещё зимой, когда Дементьев, уснув за рулем, въехал в столб. Точнее, когда потом самовольно ушёл из больницы. Вот тогда всё получилось спонтанно. Может, слегка торопливо, но остро и жарко, как в приступе сладкого безумия. Наверное, потому что он изголодался, а она сильно перенервничала из-за той аварии.

Ну а затем опять всё сошло на нет. Он списывал на усталость и хронический недосып. Но и позже, когда с Машинными зубами и ночными криками наступила передышка, на все его «хочу тебя» слышал «давай не сегодня». Или «не мешай спать» – ну это уже было, когда он стал плотную работать над проектом и приходил домой поздно.

Он чувствовал, что Инне не нравятся эти его задержки, но разбирать по косточкам отношения у них было как-то не принято. Инна как-то, еще в самом начале, говорила, что сыпать лишний раз упреками и заставлять оправдываться – это унижительно для обоих. Мол, если веришь человеку, то веришь и объяснений не требуешь.

Это Дементьева вполне устраивало, он и сам не любитель выяснять отношения. И тут тоже думал: вот кончится проект и само всё устаканится. Да и приходил с работы он в таком состоянии, что голова совершенно не варилась. А засыпая, видел перед собой бесконечные цифры, сметы, расчеты, чертежи.

Как-нибудь наладится, говорил он себе. Просто период такой.

Вот только становилось всё хуже и хуже. Словно между ними накапливалась отрицательная энергия. Если раньше он перед работой мог подойти к ней обнять или просто мимоходом ласково коснуться руки, то тут она ускользала от его прикосновений, высвобождалась из объятий, будто вообще избегала всякого физического контакта с ним. Будто ей это было даже неприятно.

В последнее их совместное воскресенье случилась ссора. Даже в общем-то не ссора, а небольшая размолвка, сначала он и внимания особого не обратил, но сейчас, вспоминая, думал, что именно тогда стало всё стремительно разваливаться. Словно вслед за первым мелким камушком на них обрушилась лавина.

В то утро Дементьев впопыхах завтракал – опаздывал на работу, прокручивая в уме, какие данные надо будет проверить прежде всего, и даже не сразу понял, что Инна обращается к нему.

– Ты что-то спросила сейчас? Извини, я задумался. Сегодня тестируем...

Она кивнула, мол, понятно.

– Инн, ну, ты же знаешь, у нас сдача проекта в эту пятницу. А что ты хотела?

– Ничего, – ответила она. – Просто напонила, что вы сегодня с Митей должны были пойти в планетарий. Билеты у тебя в портмоне.

– Черт! – спохватился он. – Вообще из головы вылетело. Что же делать? У меня сегодня ну никак не получится, прости. Понимаешь, я всем своим велел быть обязательно. А сам не приду? Если Диана живет рядом с офисом, ей ещё можно позвонить сказать, что все отменяется, то Славка уже в электричке едет. Написал вот... Черт, перед Митькой-то как неудобно... Может, в другой день с ним сходим? Через неделю? Инн, может, ты поговоришь с Митькой, когда он проснется? Объяснишь всё? Ну или давай я позвоню днем? А, может, как-нибудь постараюсь пораньше вырваться.

Инна лишь пожала плечами и вышла из кухни.

Но пораньше не получилось. А когда он позвонил, Митька ревел в трубку навзрыд.

– Мы обязательно с тобой туда сходим. В следующее воскресенье. Обещаю. И ещё куда-нибудь. Хочешь в этот... как там его... ну, куда мы с тобой зимой ходили? Город джунглей, что ли...

– Никуда я не хочу! Мне надо было сегодня. Нам задали! Она опять будет ругать меня... А все опять будут смеяться...

– Кто она?

– Оксана Викторовна.

– Не будет, я с ней поговорю.

Но Митька был безутешен и слушать ничего не хотел.

Однако учительнице Дементьев все-таки позвонил. Он плохо знал её – на собрания и какие-то их школьные мероприятия ходила всегда Инна. Видел её лишь мельком несколько раз, когда заезжал за сыном. Ну и на первое сентября. Но она не показалась ему такой уж злобной мегерой, какой рисовал её сын. Скорее, просто строгой. Да и на его звонок она отреагировала с пониманием.

– Оксана Викторовна? Это отец вашего ученика, Мити Дементьева. У меня к вам огромная просьба. Не ругайте, пожалуйста, завтра Митьку. Он переживает. Вы им задали сходить в планетарий, я ему пообещал, но, увы, не смог. Так уж вышло... на работе аврал. Моя вина. Если кого тут и надо ругать, то меня.

Она засмеялась и вполне добродушно ответила:

– Да ничего страшного. Передайте Мите, пусть не переживает. И, если что, он может и по ютубу посмотреть. Ну, чтобы завтра в классе имел какое-то представление, о чем речь, когда мы будем обсуждать...

Было стыдно перед Митькой и перед самим собой. Вспомнилось вдруг, как в школе, классе в третьем или четвертом, им было велено сколотить скворечник на какой-то конкурс. И даже призы посулили за первые три места.

«Привлеките папу», – посоветовала учительница.

Своего отца Дементьев в глаза не видел. Знал лишь, что тот бросил мать, как только узнал про ее беременность, и больше ни разу не объявлялся.

Поэтому Никита попытался смастерить скворечник самостоятельно, но только пробил гвоздем палец. Зато отец Стаса сварганил из фанеры целый птичий дворец. И Климов нёс в школу эту красоту довольный и гордый. И уверенный, что первое место у него в кармане. Но

когда увидел Никиту с пустыми руками, просто приладил свой чудесный скворечник на какой-то куст в школьном дворе.

Правда от его широкого жеста Дементьеву стало на душе только хуже. И это неуютное ощущение какой-то обделенности совсем ушло только годам к тринадцати.

И когда родился Митька Дементьев сам себе поклялся, что его сын никогда не испытает чего-то подобного. А, получается, даже тут не сдержал слово.

Вся следующая неделя пролетела как в сплошной горячке. Если до этого он мог выкроить час-полтора в обеденный перерыв, чтобы домчаться до школы, отвезти Митьку домой, заодно что-нибудь перекусить на лету и назад, на работу. То тут не мог отлучиться даже на кофе – спасибо Диане, которая, хоть и работала наравне с ними эти дни, но приносила из дома бутерброды на всех, пиццу, пирожки. Когда только успевала стряпать? Ещё и выглядеть при этом на все сто.

Славка называл её «наш ангел-хранитель». Дементьев тоже был искренне благодарен.

В четверг они наконец смогли поздравить себя с завершением: уложились в срок, тесты все прошли успешно. Оставалось на следующий день лишь представить проект перед начальством и клиентами, но это уже мелочи. К тому же Диана подготовила отличную презентацию. Дементьев, по большому счету, должен был только продемонстрировать слайды, ну и с умным видом ответить на вопросы, какие будут.

Так что в четверг все они свободно выдохнули, но сразу расходиться не торопились. Как будто привыкли уже засиживаться, да и обсудить хотелось результат. Славка принес тайком пиво.

– Никита, сегодня же можно? – спросил он. – Ради такого дела? Всего по баночке?

Дементьев не стал строить из себя строгого начальника, но сам отказался.

Он сидел со своими подчиненными, слушал их беспечную радостную болтовню и думал, как его вымотала эта гонка. И как хочется домой, к Инне, правда, не к той, какая она сейчас – неуютная, молчаливая, замкнутая, а к той, какой он помнил ее еще год назад.

– Ладно, ребята, поеду домой. Удивлю своих.

На самом деле было уже около восьми, но после его ночных возвращений казалось, что ранняя рань. Он успел поделаться уроки с Митькой и сыграть с ним в шашки. Искушал Машу и даже в кои-то веки укачал ее сам. Наконец остался с Инной наедине, да только она на его поползновения отвечала уже привычно:

– Я спать хочу.

В пятницу всё прошло на ура. Презентация удалась, проект понравился. К Дементьеву даже во время фуршета подошёл один из совета директоров. Лично выразил одобрение.

Дементьев чувствовал себя не в своей тарелке. Было неловко оттого, что все почести достались ему одному. Пару раз он ввернул, что это заслуга всей команды, но начальство продолжало нахваливать только его. Да и на сам фуршет пригласили только его и Диану. Славка и Николай Сергеевич оказались в пролёте.

Он сначала даже не хотел оставаться, но главный его задержал:

– Хотя бы пару часиков, но побыть ты должен. Вдруг вопросы какие-то возникнут.

Вот Дементьев и стоял, как идиот, с бокалом виски, который даже пригубить не мог, потому что за рулем.

– Как-то нехорошо вышло, неудобно, – обронил он хмуро, когда к нему подошла Диана и пригласила его на танец.

Несколько пар медленно кружили под что-то ненавязчивое и лиричное. Они присоединились к танцующим.

– Да что вы такое говорите, Никита! Ничего неудобного. Всё верно. Это целиком ваша заслуга, Никита. Если бы не вы, ничего не получилось бы. Я вообще не перестаю вами восхищаться... как руководителем... как человеком...

– Да брось ты, – вдруг смутился Дементьев.

– Это не комплимент, это констатация факта. Как говорит современная молодёжь, вы – мой краш, – засмеялась она.

Он из вежливости улыбнулся. А спустя пару секунд почувствовал на шее под ухом ее дыхание, а затем и легкое, еле уловимое скольжение теплых губ. От этого закружилась голова, и кожу осыпало мурашками.

– Спасибо, Диана, – севшим голосом произнес он. – Но не надо.

Дементьев невольно огляделся, но никто на них не обращал внимания.

– Чего не надо? – подняла она на него небесно-голубые глаза, неожиданно пронзительные и молящие.

– Ничего не надо, – ответил он, убирая руки с её талии. И уже не глядя, бросил: – Извини. Мне пора.

12.

После танца Дементьев почти сразу ушёл домой, ни с кем не прощаясь. Пока шагал к выходу через просторный банкетный зал, спиной чувствовал взгляд Дианы. И там, где недавно касались ее губы, тоже жгло. Хотелось стереть это ощущение.

Положа руку на сердце, «это» (Дементьев даже не мог подобрать подходящего слова тому, что сейчас произошло) не стало для него такой уж ошеломляющей неожиданностью. Смутно он и прежде чувствовал от Дианы что-то такое. Забытое, но знакомое.

Это ощущение бывало и раньше. Очень давно. В старших классах он тоже чувствовал от некоторых девочек эту тайную влюбленность. Как назло – от тех, к которым он сам оставался равнодушен.

Особенно его изводила своей молчаливой любовью девчонка из параллельного класса, некрасивая и полненькая. Даже Климов её просек, хоть та ничего не делала, только смотрела вслед тоскливо. Но Стас вообще был наблюдательный. И вечно отпускал шуточки: «Дёма, гляди, вон твоя Жирная пошла», а то и вовсе что-нибудь в духе: «Да чё ты? Замути с Жирной. Зато сто пудов сразу даст».

И в универе ощущалось такое. Причем не от Дашки или Юльки, которые открыто на него вешались. А от той же Мышки. Хотя с ней вот – нет, не сразу понял. Она просто стригла в общаге всех, от девочек до парней. Девчонкам еще и волосы красила, хотя сама почему-то ходила с одним и тем же невнятным хвостиком. Но других стригла хорошо. И он тоже как-то сунулся к ней с этим делом. Так Мышка в тот первый раз ему чуть ухо не откромсала. Тогда только он заметил, что у нее дрожали руки.

Сначала решил, что от страха или от вида крови. Она прикладывала смоченный переки-сю платочек к порезу, суежилась, тряслась. Он решил её успокоить, мол, забей, ничего страшного, заживет. По-дружески приобнял, заглянул в глаза и как-то вдруг всё понял. Но, конечно, сделал вид, что ничего не заметил. Так проще. Правда, и Мышка потом приревновала стричь без нервов, и никак своих чувств не выказывала. Но все равно Дементьев ощущал это её немое обожание и избегал оставаться с ней наедине.

С Дианой было иначе. Её чувства не угнетали, не вызывали конфуз, как раньше, а даже, наоборот, льстили. Красивая, ухоженная, умная. Кое-кто из коллег пытался за ней ухлестывать, а она смотрела только на него. Это было приятно, чего уж. Но только так, для глупого мужского самолюбия. Просто осознавать для себя «я еще кому-то нравлюсь, я еще могу...».

На деле же Дементьев сразу обозначил, что крепко и счастливо женат. Не раз при Диане тому же Славке или Николаю Сергеевичу, когда заходил разговор, ронял, что любит жену, что семья для него всё. И считал, этого достаточно, чтобы неловких моментов не возникало.

И тут вдруг это... И как теперь? Просто закрыть глаза, будто ничего не было? Хотя, по большому счету, ничего ведь и не было. Диана просто выпила лишнего. Завтра ей самой же станет стыдно, рассуждал он. Вот только для «ничего не было» он и сам слишком уж разволновался. И стыдно было как раз ему.

Можно было врать себе сколько угодно, но в тот момент, в те несколько секунд, ему было приятно. Да что там – его повело моментально.

Да, он её остановил, но ведь не сразу...

Не сразу, потому что опешил, оправдывался Дементьев перед собой же.

А если бы они были одни?

Да неважно! Ничего не было бы и быть не могло, повторил он, почти убедив себя в этом.

По пути домой Дементьев набрал всякой всячины. Взял хорошее вино, фрукты, сладости для Митьки. И розы. Тяжелые белые бутоны на длинных стеблях. Инне нравились орхидеи,

лилии и нарциссы. Но в цветочном закутке супермаркета кроме хризантем и роз ничего не нашлось.

Митька встретил его радостными воплями. Второй вечер подряд он застал отца до сна. А вот Инна... она так остро взглянула на него, когда он протянул ей розы. И в голову вдруг ударило: она догадалась. Потом тут же себя одернул: о чем ей догадываться? Ничего же не было.

От вина Инна отказалась. Пока ужинали, она расспрашивала, как всё прошло. Дементьев с деланной бодростью рассказывал, как китайские партнеры ухватились за их проект, какой выгодной сделки он добился для компании, как вообще теперь всё должно быть замечательно.

– Я бы пораньше пришел. Не хотел на банкет оставаться. Да главный вцепился: будь здесь, вдруг они что-то еще спросят. Хотя там Д... – запнулся Дементьев вдруг, – другие наши из отдела были. Но как только главный отвлекся, я сразу же свалил.

Инна несколько секунд молчала, пристально на него глядя. Потом вдруг очень серьезно спросила:

– Если бы у тебя что-то с кем-то было, ты бы мне сказал?

Дементьев аж закашлялся от неожиданности.

– Что? С кем? Ты чего, Инн? Это исключено!

– Просто представь.

– Да не хочу я ничего такого представлять.

Но она продолжала испытывать его долгим взглядом.

– Ну, хорошо. Представил. Что дальше?

– Вот мне как раз и хочется знать, что дальше.

– Инн, ты скажи нормально, что ты от меня хочешь услышать. Я не понимаю.

– Ты бы мне сказал о том, что было? Если бы было...

– Не знаю, – буркнул Дементьев. – А как надо?

– Ясно, – поднялась она, вздохнув.

И это «ясно» прозвучало нехорошо. Вроде и ничего такого, но его как холодной водой окатило.

Он поплелся следом.

– Инн, ну скажи, что не так опять? Я понимаю, тебе было этот месяц тяжело. Но всё же уже, мы отстрелялись. Сейчас легче будет. Я опять буду Митьку забирать. Буду приезжать пораньше.

– Не в этом дело.

– Ну а в чем?! – вырвалось у него.

– Тише, детей разбудишь.

– Тогда скажи, что не так, – сбавив голос почти до шепота, наседал он. Поймал за локоть, развернул к себе.

Она снова пронзила его взглядом, а затем тихо сказала:

– Ты мне врешь.

Продолжили они в спальне, закрыв плотно двери.

– В смысле – вру? – негодовал он уже искренне. – Насчет чего?

– Не знаю, просто я вижу. У тебя, Никита, очень говорящее лицо. И я вижу, что ты или врешь мне, или что-то скрываешь.

– Ничего я не скрываю. И уж точно не вру. Ты спрашивала, сказал бы я, если б тебе изменил? Да, сказал бы. Но я тебе не изменял. Никогда. Если я задерживался до ночи, то только по работе. И то, считай, это уже в прошлом. Инн, ну ты чего? Ты же знаешь, я люблю только тебя. И никто мне не нужен. А всё это просто нервы, усталость. Давай не будем нагнетать? Ну?

Инна повела плечом, мол, как скажешь. Дементьев притянул жену к себе, но успел лишь вскользь коснуться губами её виска. Она плавно вывернулась.

– Я устала, спать хочу. День был сегодня напряженный.

– Я тоже. Так что давай сбросим напряжение вместе, – он снова потянулся к ней. Запустил руку под полу халата.

– Не сегодня. Говорю же, я устала, – Инна отвела его руку и, запахнув халат, отошла подальше.

Несколько секунд он мрачно смотрел на нее, неожиданно далекую, неприступную. Следил неотрывно, как она расстилала кровать. Как аккуратно складывала покрывало на пуфик, больше ни разу на него не взглянув. И вдруг вспыхнул:

– Ну а когда? Завтра? Послезавтра? Через неделю? Через год? Ты скажи сразу. Может, расписание составим? Ладно, после родов ты не хотела... не могла или нельзя, не знаю. Ладно, потом Маша орала ночами. Там было не до того, лишь бы поспать... Но сейчас-то что не так? Почему я вообще должен выпрашивать у тебя секс как милостыню? Что вообще с тобой стало? Вон в пуфике этом дурацком и то больше...

Он осекся.

– Ну, извини, – сверкнула она глазами, – что я с утра до ночи мою, готовлю, стираю, убираю, что дети на мне, что не успеваю даже прическу себе нормальную сделать... Извини, что после всего у меня не хватает сил еще и ублажать тебя.

– Да почему сразу ублажать?!

– Не кричи. Знаешь, я тоже могла бы заниматься любимым делом, могла бы чего-то добиться, могла бы жить полной жизнью, а не... – Она не договорила, но Дементьев и так понял.

– Ты сейчас говоришь прямо как твоя мать.

– Знаешь, не так уж она и не права порой.

– Да? И в чем же она права? – Дементьев почувствовал, как что-то темное, глухое, тяжелое поднялось изнутри, сдавило грудь.

Инна напряженно молчала. Наверное, и ему стоило смолчать. Но не мог.

– Может, в том, что не той дорожкой ты пошла? Не того выбрала? Что там еще она обычно говорит? Могла отхватить принца, а связалась с вахлаком...

Сердце каменно бухало. В затылке ломило. А всё происходящее казалось бредовым сном. Он ещё что-то говорил, уже по инерции, пока вдруг не почувствовал опустошение.

– Я, наверное, поплюю сегодня в детской, – после его речи произнесла Инна и взяла с кровати подушку.

– Не утруждайся, я сам уйду. Отдыхай, – бросил он, развернулся и вышел из комнаты.

А через минуту уже неся по ночной улице в никуда.

13.

Моросил дождь, оседая на стекле мелким бисером. Огни за окнами проносились мимо, вытягиваясь в светящиеся полосы, как хвосты бесчисленных комет. Мокрый асфальт блестел.

Март выдался теплым, без сюрпризов в виде внезапных снегопадов и метелей, но сырым и унылым.

Дворники скользили по лобовому со скрипом.

Надо будет смазать очистители, подумал вдруг Дементьев. И следом вспомнилось, что нужно поменять и шаровую – вроде как слегка люфтит, если верить вечно загашенному корешу Климова, который после недавней аварии ставил ему новый бампер.

До этой минуты в голове кружил мучительный хоровод из бессвязных обрывков. Кружил, гудел и распирал черепную коробку. Ему казалось, что и его самого затягивает вихрем в этот хаос, как щепку. словно в угаре, он бездумно мчал вперед. А эти будничные мысли почти вернули Дементьева в себя.

В груди всё ещё пекло, но уже не так едко. И гул в голове понемногу стихал. Остановившись на очередном светофоре, Никита с удивлением понял, что оказался совсем рядом с работой. Буквально за ближайшим поворотом находился бизнес-центр – стеклянно-бетонная громадина, верхние этажи которого занимал офис их компании.

Вот уж и впрямь заработался...

Дементьев остановился у обочины. Надо, пожалуй, возвращаться. Однако что-то удерживало.

Ну, придет сейчас домой и что? Продолжат с того момента, на котором остановились? Ничего ведь за минувший час не поменялось. И неизвестно ещё, до чего они на этот раз договорятся. Или же будут оба скорбно молчать. Инне это, конечно, хорошо удастся, а вот ему – не очень. Он точно сорвется. Ему и находиться рядом с ней такой тягостно. Как в палате с тяжелобольным, где что ни делай – почти всё неприлично. Не лучшее сравнение, конечно, но ощущения схожие.

И что делать? Как всё вернуть, чтобы у них было, как раньше? Черт его знает. Дементьев не понял даже, как так получилось, что они разругались. А уж как выкруливаться из этой ситуации – он тем более понятия не имел.

Ладно, решил он, сейчас лучше обоим остыть, чтобы ещё больше не наломать дров...

Дементьев прикинул, куда податься, где заночевать. Можно было рвануть к Климову, но ведь придётся как-то объяснять свое появление. Врать – воображения не хватало. А говорить правду – вообще не вариант. Стас и так Инну на дух не выносил.

Тогда оставалась гостиница.

Дементьев уже взялся за телефон посмотреть, какие места есть поблизости, но тут вспыхнул экран, а корпус завибрировал.

Звонили с работы, с поста охраны. Дементьев сразу напрягся: там-то что не так?

Оказалось – не сдали ключи от отдела. За такое, если всплывет, от главного прилетит неминуемо.

Один запасной комплект Дементьев всегда имел при себе на всякий случай. Второй брала Диана и, видимо, после фуршета забыла их сдать. Подвыпила она там неплохо.

– Они как, ещё гуляют? – спросил Дементьев охранника.

– Да нет, отгулялись. Где-то с полчаса как разошлись. Банкетный зал ещё открыт, но там как раз сейчас убирают.

Подъехав к офису, он по привычке взглянул наверх. Окна их отдела тускло подсвечивали, как если бы кто-то сидел в темноте перед включенным монитором.

В просторном холле бизнес-центра было тихо и пусто. Лишь за стойкой вяло переговаривались два парня-охранника.

– О, Никита Андреевич, как вы быстро, – удивился один из них, увидев Никиту.

– Я был поблизости, – бросил Дементьев. – Может, кто-то из наших остался?

– Нет, я поднимался туда к вам, – мотнул коротко стриженной головой охранник. – Закрыто. Заперто. Никого нет. Ушли уже все. А ключ не сдали, – напомнил ещё раз.

– Я всё равно поднимусь... проверю.

Парень дернул плечом, мол, как пожелаете, хозяин – барин.

На их этаже стояла гробовая тишина. Дементьев подергал ручку двери – и правда, заперто. Достал ключи.

Открыв дверь, почему-то вошел не сразу. Замер на несколько секунд, ощутив вдруг, как дернулось сердце, а потом забилося с перебоями.

Бред какой, усмехнулся он про себя и уверенно переступил порог. Однако сразу же нащупал на стене выключатель и зажег свет.

И тут же увидел у окна Диану...

Она зажмурилась от внезапного света, отвернулась, а затем вообще закрыла лицо ладонями. Но Дементьев успел заметить, что она плакала.

В первый миг он растерялся. Плачущие люди – ну, кроме собственных детей – всегда его обескураживали. А от Дианы он и вовсе не ожидал ничего подобного. Наверное, даже застань он тут рыдающим Славик – и то удивление было бы не столь сильным.

Диана могла быть какой угодно, но только не слабой. И уж точно не ранимой. Работала без устали, никогда не жаловалась, у нее и плохого настроения не бывало. Ледокол «Ленин» – называл её иногда Славик, да и некоторые другие коллеги с его подачи. А если бы её взялся описывать сам Дементьев, то, скорее всего, припомнил бы старую песенку Макаревича «Она идет по жизни, смеясь».

И эти слезы полностью ломали её образ. Может, она просто совсем не умеет пить?

Захотелось вдруг уйти. Малодушно сбежать, будто ничего не заметил.

Тут же устыдившись своего порыва, Дементьев притворил за собой дверь и медленно подошёл к окну. Вернее, к Диане. А она так и стояла, пряча лицо в ладонях. И, наверное, продолжала даже и сейчас беззвучно всхлипывать – он видел, как подрагивали её плечи.

– Диана, что случилось? – постарался произнести с сочувствием, но вышло натужно. Может быть, оттого что ему не хотелось ничего знать. Или же оттого, что он и так догадывался, в чем дело.

Она качнула головой.

– Диана... Может, я могу чем-то помочь? – помешкав, он положил руку ей на спину, чуть выше остро выпирающих лопаток.

А она вдруг приникла к нему, уткнулась лицом в плечо и заплакала уже вслух. Надрывно и горько. Похлопывая ее по спине, он бормотал:

– Ну, всё... тише... не плачь...

На удивление, она быстро успокоилась. Всхлипы стали реже, а затем и стихли. Она слегка отстранилась, подняла на него мокрое, опухшее лицо с потеками туши.

– Простите... я такой дурой себя чувствую... так стыдно... сама не знаю, что на меня нашло...

– Да перестань, все мы люди. Хочешь воды?

Она кивнула.

Дементьев прошел в другой конец кабинета, где стоял диспенсер. Пока наливал воду, Диана уже успела мало-мальски привести себя в порядок. И выглядела она гораздо трезвее, чем он думал.

- Никита, можно с вашего телефона вызову такси? У меня разрядился.
- Да я тебя и сам подвезу. Ты же где-то недалеко отсюда живешь?
- Да, на Советской. Спасибо, но мне и так неудобно...

Спустя четверть часа Дементьев подъехал к обычной панельной хрущевке.

- Да, вот тут остановите, пожалуйста, – попросила Диана.

Из подъезда доносились пьяные вопли и взрывы хохота.

- С соседями не повезло? – спросил её Дементьев, заметив, как напряглась Диана.

– Да нет, соседи у меня нормальные. Бабушки, в основном. Это шпана какая-то. Поводились в последнее время тусоваться ночами в нашем дворе. Только они обычно на площадке торчат, а сегодня, видимо, дождь, вот и...

- Давай я тебя до квартиры провожу.

– Ну... – поколебавшись, она улыбнулась. – Спасибо. Мне и правда как-то не по себе мимо них идти.

Дементьев поднимался первым. Диана на своих шпильках цокала сразу за ним, ни на шаг не отставая. Шпана облепила весь лестничный марш между вторым и третьим этажом. Одни стояли у перил, другие сидели прямо на ступенях, передавая друг другу самодельный бонг. Впрочем, Дементьев сразу, ещё внизу, определил по запаху, что эта развеселая компания смолила дурь. Ну и добивала градусами, конечно.

Кто-то глумливо присвистнул в адрес Дианы, когда они проходили мимо. Ещё двое хихикнули, а потом уже все хором захохотали. Но при нём не рискнули все же распустить руки.

Жила Диана на четвертом этаже. В однушке, чистенькой и по-женски уютной. Дементьев, заложив руки в карманы, с любопытством огляделся, не проходя дальше прихожей.

Диана скинула у порога туфли, повесила на плечики плащ.

- Спасибо еще раз, – поблагодарила она. – Вы мой герой.

- Да ну, брось. Нашла героя.

– Можно я вас хотя бы чаем угощу? У меня есть просто обалденный пуэр, знакомый привез из Китая...

- Нет, спасибо. Я пойду.

Он повернулся к двери.

- Какой тут замок надо...

- Никита...

Дементьев обернулся. И невольно сглотнул. Диана стояла близко, сразу за спиной. И смотрела ему прямо в глаза с каким-то безрассудным отчаянием. А затем подалась вперед и приникла к губам. Целовала она жадно, страстно, будто боялась не успеть. И сама же задыхалась.

– Не надо... стой... – хрипло шептал он, но не отталкивал. Не убирал её руки, нетерпеливо скользившие по его телу. Низ живота стремительно наливался тяжестью и жаром. Голова плыла, а реальность ускользала. Он чувствовал, как её пальцы гладили ширинку – уже было что.

– Нельзя так... я не могу... – рвано выдохнул он ей в губы, а в следующий миг сам впился в них...

14.

Закрыв глаза и чуть откинув голову назад, Дементьев упёрся затылком в дверь. Ручка впиалась ему в бок, но он не чувствовал. В эту минуту он вообще ничего не чувствовал, кроме чужих пальцев и чужих губ. Пока удовольствие, накатывая волнами, не достигло пика и не прошло тело сладкой судорогой.

Вязкий туман в голове постепенно рассеивался. Пережитые ощущения ещё тлели на кончиках пальцев и в паху, но выше, где-то в районе солнечного сплетения уже клубился холод, поднимался выше, наполнял желудок и лёгкие колкими льдинками.

Дементьев разомкнул веки и будто вынырнул из теплого сна, внезапно осознав то, что сейчас произошло. Судорожно сглотнул, потому что воздух вдруг загустел и стал комом в горле. Господи, нет...

Диана поднялась, неуверенно улыбнулась, словно спрашивая: «Ну как, тебе понравилось?». Но он быстро отвел взгляд. Торопливо и как-то дергано натянул брюки и застегнул ремень. Смотрел при этом куда угодно, только не на нее. Скользил неприкаянным взглядом по узорам на обоях, по настенным часам, по обуви, аккуратно стоящей вдоль плинтуса, словно искал, за что уцепиться.

– Никит... – позвала его Диана.

Наконец он взглянул на нее.

– Прямо сейчас можете ничего не говорить. Я всё понимаю, – произнесла она, но от этих слов стало ещё мутнее.

– Прости, – выдавил он наконец.

– Вам не за что извиняться. Может, все же выпьем чаю? Давайте проходите, можете не разуваться...

Она скрылась на кухне, тут же зашумел чайник.

– Я вам клянусь, такого чая вы нигде не пробовали.

Диана старалась держаться легко и непринужденно, но по суетливым движениям, убегающему взгляду и неестественно бодрому тону, он понял – она сильно нервничает.

Он шагнул к кухне, но остановился в проеме. Диана все еще порхала от шкафчика к столу, щебеча что-то легкомысленное.

Дементьев молча, исподлобья наблюдал за ней, подбирая нужные слова и собираясь с духом. Ещё эта её болтовня мешала.

– ... и вот там меня научили, как пить чай правильно. Да! Там это прямо церемония! И то, как мы чаи гоняем, для них просто извращение, – хихикнула Диана, расставляя маленькие чашечки.

Потом на миг поймала взгляд Никиты, но тут же отвернулась к столу, внезапно замолчав. Она продолжила раскладывать приборы, но уже не так быстро и суетливо. Наоборот, поза ее стала напряженной. В конце концов она бросила это дело и повернулась к нему. Горько усмехнувшись, сказала:

– Ну? Я же вижу, что вы хотите сказать. Говорите. Хотя дайте сама угадаю. Извини, Диана, я всего лишь спустил пар. Но вообще я примерный семьянин и люблю жену, так что иди нафиг. Так?

– Диана, послушай. Ты – замечательная девушка, но...

– Но я люблю жену, так что, Диана, иди к черту, – повторила она всё с той же усмешкой.

– Ты же знаешь, я так тебе никогда не скажу, но... чёрт... то, что случилось – это ошибка, да. И это, конечно, моя вина. Я не должен был... не знаю, что на меня нашло... В общем, прости.

– Думаете, сказать девушке «прости» после... после такого – это не обидно? Да это не менее оскорбительно, чем «иди к черту».

Дементьев чуть снова не извинился, но прикусил губу. Выяснять отношения уж точно не его конёк.

– К чему это «прости», Никита? – скрестив руки на груди, Диана встала напротив. – Вы сами этого хотели. Будьте же честны с собой! Иначе ничего бы не случилось. И за что вы себя вините? Вы просто на миг позволили себе быть человеком, а не роботом. А теперь снова пытаетесь закабалить себя вашими вечными «должен – не должен» и быть несчастным.

– А как иначе? Естественно, должен. И с чего ты взяла, что я – несчастный?

– Никита, я вас просто вижу. Знаете, мне как-то Славик показал видео с корпоратива трехлетней давности. Вы на этом видео тоже есть. Я сначала вас... нет, узнала, конечно, но не могла поверить, что разница всего три года. Я бы решила, что лет десять. В смысле, нет, вы не постарели, а просто... вы там какой-то сияющий, что ли. Вы прямо лучились здоровой энергией, радостью, силой. А сейчас потухли. Как человек, который глубоко несчастен. Который подавлен и задыхается. Которому нужно...

– Инна... извини, Диана, послушай, – прервал её Дементьев. – Я не совсем понимаю, к чему ты ведешь. Но это не так. Я вполне себе счастлив. Ты права, я и в самом деле люблю свою жену. А тяжелые периоды бывают у всех.

– А она вас любит? Или просто позволяет любить себя? Требуя взамен, чтобы вы плясали под ее дудку и выполняли все пожелания? Я помню вас на турбазе год назад. Помню, как она держалась со всеми. Как смотрела на всех. Свысока! А, главное, как держалась с вами. Она вами попросту помыкала.

– Ну что за ерунду ты говоришь?

– Так и есть! Вы вокруг нее и так и сяк. Любимая, тебе не холодно? Не душно? Хочешь это? Хочешь то? И какое у нее было лицо при этом! Савельев подошел к вам тогда, поднес вино, помните? Выпить предложил за внучку, она у него родилась накануне. Вы хотели было, но ваша жена на вас так посмотрела. Ей даже говорить ничего не пришлось. И вы сразу ему такой: нет, прости, не пью. Любому нормальному мужчине такое отношение когда-нибудь да надоест. Нельзя жать пружину до бесконечности. Вот и вам надоело, даже если вы еще по привычке сопротивляетесь.

– Ну что за глупости...

– Так оно и есть. Я это еще тогда, на турбазе поняла. Потому что смотрела на вас и не узнавала. Вы такой на работе... а тут... А ведь вам по характеру это несвойственно, просто вы считаете, что должны, поэтому и терпите такое отношение...

– Какое такое отношение я терпел? Не придумывай. Инна тогда чувствовала себя плохо. И ей было некомфортно среди посторонних. Естественно, я должен был о ней заботиться...

– Вот видите – опять должен был. О чем и речь. Я не отрицаю, у каждого есть свои обязанности, но вы все время только должны и ничего больше.

– Даже если так, это мой выбор.

– Вот вы говорите, что счастливы, но со стороны-то виднее.

– Да ничего тебе не виднее. Со стороны видно только то, что на поверхности. А что внутри – ты понятия не имеешь. И Инну ты совсем не знаешь, но я не собираюсь обсуждать с тобой свою жену.

Она хотела возразить, но осеклась.

– Извините, я и правда тут перегнула. Но не со зла. Я просто хотела сказать, что вам нужна женщина, которая будет вас любить и ценить. Та, которая сделает вас действительно счастливым. – И снова эта пронзительная мольба в глазах.

– Мне жаль, Диана, что так вышло. Я не знаю, как мы теперь будем дальше... взаимодействовать.

Она сморгнула. Потом отвела взгляд в сторону, поджала губы и, казалось, сейчас заплачет. Но она справилась и спустя мгновение сказала почти насмешливо:

– Ну а как еще? Обычно. Будем делать вид, что ничего не произошло.

Остаток ночи Дементьев провел в номере отеля. И это была его худшая ночь. Самая долгая и самая мучительная.

В голове крутились обрывки минувшего дня: лицо Инны, Дианы, ночная дорога, чужая квартира. Но в единую картину никак не складывались. Может, потому что он до сих пор не понял, как всё это вообще произошло. Может, потому что это произошедшее казалось таким же нереальным, как и ужасающим. Словно дурной кошмарный сон, который никак не заканчивался.

Копаясь в себе, он прокручивал шаг за шагом весь этот вечер, но обязательно запинался на каком-нибудь моменте. Сразу накатывала дурнота. И сквозь стиснутые зубы прорывалось «нет». Казалось, что бы только ни отдал, лишь бы отмотать назад этот проклятый вечер.

А ведь самое страшное еще предстояло: вернуться домой, посмотреть в глаза Инне...

Как он сможет? Да никак не сможет. Сдохнуть проще.

Ближе к обеду позвонил главный. Голосом умирающего сообщил, что на одном из объектов случилось ЧП. Оборвался трос, и упала строительная лебедка. К счастью, обошлось без жертв, но надо быть. А сам он вне досягаемости.

Дементьев догадывался, в какой "недосягаемости" главный – очевидно, перебрал вчера на фуршете и сегодня пошевелиться не может. Но возражать не стал. Наоборот, ухватился за это дело, потому что с ума уже сходил от своих мыслей. Время от времени брался за телефон, но так и не осмелился позвонить Инне. Не знал, что сказать. Ведь что тут ни скажи – беды не миновать. Вот и изводился, как в агонии.

А поездка на объект и разбирательство, что там случилось, хоть на несколько часов отвлекут.

Около пяти Инна написала ему сама. Лучше бы не писала.

«Никита, прости меня. Я была не права. Приезжай домой. Пожалуйста».

И следом от неё ещё одно сообщение, как контрольный в голову:

«Я люблю тебя».

15.

Домой Дементьев ехал как на казнь. По пути завернул в цветочный магазинчик, хоть и прекрасно понимал, что никакими букетами не замолить его грех. Выбрал пурпурную орхидею в горшочке – такая уже была у них. Кажется, на прошлое восьмое марта он дарил. Инна тогда так обрадовалась, больше, чем самым красивым и пышным букетам.

Потом не дышала на цветок – начиталась в интернете, как ухаживать, как растить, какие подкормки нужны. Пересадила в прозрачный горшок, поливала чуть не по часам. Но их фаленопсис даже отцвести до конца не успел – Митька его нечаянно смахнул с подоконника, и тот не пережил падение, быстро увял. Дементьев еще тогда хотел взять новый взамен, но Инна почему-то воспротивилась.

Когда подъехал к дому, посмотрел наверх, и в окне кухни увидел вдруг её. Так совпало или ждала?

Сердце екнуло, и снова поднялась волной к горлу тошнота. Несколько секунд он стоял и смотрел на Инну. Ему казалось, что она улыбалась ему. Возможно, в последний раз. Дементьев не спешил – хотел продлить этот миг, сохранить его для себя.

Лифт ждать не стал, пошел по лестнице. И ступал тяжело, медленно, будто всходил на Голгофу с пудовыми гирями на ногах.

Остановился у двери квартиры и замер. Пульс частил в ушах пулеметной очередью, лицо горело, а внутри, наоборот, всё стыло от страха.

Он так и не позвонил – Инна сама открыла дверь и отступила, приглашая войти.

– Привет, – глухо произнес он и протянул её прозрачную упаковку с орхидеей.

– О-о, Никита... спасибо... – Она взяла цветок, на миг залюбовалась им, как ребенок, потом снова подняла на него глаза. И столько нежности в ее взгляде было, что он не выдержал, отвернулся.

Инна его мрачность оценила по-своему. Решила, очевидно, что он все еще злится на ее слова.

– Никита, – голос ее звучал виновато и ласково. – Давай забудем вчерашний день?

О, он бы многое отдал, чтобы и правда его забыть.

– Я знаю, тебе было очень тяжело в последнее время. И на работе из тебя жилы тянули, и дома – никакого просвета. Ты как белка в колесе. А я думала только о себе. А еще... только не смейся... приревновала тебя как дура. И мама вчера приходила, накрутила меня, конечно. И тут ты приходишь с банкета... и от тебя так сильно пахнет женскими духами. Я понимаю, что ты там общаешься с разными людьми, мужчинами, женщинами... Но вот почувствовала этот запах и всё. И ничего не могла с собой поделать. А потом ты ушел, и я вдруг осознала: что мы делаем? Что я делаю? Ведь это же мы. Мы же любим друг друга, это самое главное. Ты же любишь меня, Никита?

– Люблю. – Горло перехватило, и голос сдал. Тогда он повторил тверже и громче: – Люблю.

– И я тебя люблю, так сильно люблю, что самой страшно... Прости меня. Я так не думаю на самом деле. Всё, что я сказала вчера, это... неправда.

Она глубоко вдохнула.

– Господи, я...

Но договорить не успела. Из детской показался Митька. Увидев Дементьева, подбежал, обхватил руками. Никита взъерошил его волосы, потом присел на корточки, притянул к себе, обнял, наверное, слишком крепко – тот тут же вырвался.

– Пап, ты чего? Пошли легу собирать?

– Митенька, – Инна приобняла его за плечи. – Побудь еще с Машей. Папа потом к вам зайдет. Он устал и... нам надо поговорить.

– У-у-у, – недовольно протянул Митька, но спорить не стал, поплелся назад.

Инна снова обратилась Дементьеву, потянула его за рукав.

– Ну что? Ты на меня сердишься?

Она заглядывала в глаза, словно пыталась разгадать, что у него на уме. А он прятал взгляд.

– Нет. Конечно, нет, – выдавил он.

– А почему такой хмурый? Почему... Никит, а где ты ночевал?

– В гостинице.

– Так я и думала. Ты иди помой руки, а потом – на кухню, у меня для тебя сюрприз, – сказала она с затаенной улыбкой.

В ванной Дементьев уставился на свое отражение в зеркале. Воспаленные веки. Под глазами тени. У Инны – так же, хоть она и подкрасилась слегка. Видимо, тоже всю ночь не спала. Думала про них, про него, винила себя, в то время как он...

Он зажмурился – видеть себя не мог.

Инна ждала его на кухне. Стол накрыла, откуда-то достала свечи. И уже разлила в бокалы вино.

– Садись, что стоишь? – с улыбкой сказала она.

А у него ноги словно к полу приросли.

– Инн, я должен тебе что-то сказать. Я... вчера был с другой... женщиной.

Инна еще по инерции улыбалась какое-то время, и было страшно наблюдать, как она постепенно осознает его слова, как меняется ее лицо, словно превращаясь в мертвый камень.

Инна встала из-за стола, подошла к окну. Бесконечно долго молчала. И Дементьев не мог себя заставить подойти к ней. Даже не потому, что боялся или стыдился, хотя и это тоже. Но тут он чувствовал – Инна в одно мгновение стала чужой. И недостижимо далекой. Будто между ними разверзлась пропасть.

Инна не устраивала ему сцен и истерик, ни в чем не обвиняла, лишь спросила, кто она. А потом потребовала уйти.

С того проклятого вечера прошёл почти месяц. Почти месяц они живут порознь. Хотя какой там живут?

Дементьев, скорее, существовал по привычке, на автомате. Спал, ел, работал. И так по кругу, день за днем.

Диану по его просьбе главный перевел в другой отдел. Хоть Дементьев и понимал, что виноват лишь он, но не мог находиться с ней в одном кабинете. Смотрел на неё – а видел закаменевшее лицо жены. Он был готов сам уволиться, но увяз в незаконченных делах по горло.

Диана возмущалась, потом плакала, просила, обещала.

– Я не могу тебя видеть, извини, – процедил он.

Им все равно, конечно, приходилось временами пересекаться по работе, но хоть не каждый день.

Первые дни, когда он только ушёл, и то было легче. Тогда его терзали вина и стыд перед Инной, перед Митькой, даже перед чертовой Аллой Арнольдовной.

На мнение тёщи ему, конечно, по большому счету плевать, но ведь получилось так, что она оказалась права, когда говорила, что Инна ещё горько раскается, что «связалась со своим вахлаком».

И вообще, всё получалось как будто зря... Все эти годы Дементьев из кожи вон лез, чтобы доказать, наверное, даже больше самому себе, что достоин, что эта старая карга ошибается, и что его Инна никогда не пожалеет о своем выборе.

Уже не его...

Поначалу он ещё на что-то надеялся. Первые полмесяца каждый день приходил после работы, а в выходные – заявлялся то к обеду, а то и с утра. Говорил, что к детям – уж этого Инна не могла ему запретить. Но любую его попытку хотя бы поговорить с ней, объясниться, покаяться, пресекала сразу: «Не хочу ничего знать. Не унижай меня хотя бы этими подробностями».

В девять вечера, после того как Митька засыпал, произносила сухо и холодно: «Тебе пора».

Но потом они всё же поговорили. После двух недель этих мытарств. Накануне у него с тёщей случился грандиозный скандал. Дементьев только привёз Митьку со школы, даже разуться не успел, как нагрянула Алла Арнольдовна.

Увидев Никиту, несколько секунд тёща страшно вращала глазами, а потом зашла в клетку:

– Как посмел ты, кобелина поганая, заявиться после всего в дом, где дети? Грязь свою сюда притащить? Заразу? Неблагодарная ты скотина! Да я сделаю так, что ты детей вообще больше не увидишь! Все связи подниму! Засажу тебя...

Инна тогда поскорее увела Митьку в детскую, надела ему наушники. Но что-то он все равно успел услышать. И на другой день, когда Дементьев заехал за ним в школу, спрашивал встревоженно:

– Пап, а почему бабушка так про тебя говорила? Ты чем-то заразился? Ты болеешь?

– Нет. Ничем я не болею, не переживай.

– А почему тогда она так сказала?

– Потому что... Да просто твоя бабушка была не в духе.

С минуту Митька озадаченно молчал.

– Пап, а почему ты дома не ночуешь? Только не говори опять, что так надо. Вы с мамой поссорились?

Снова повисла пауза.

– Я обидел маму. Очень сильно, – мрачно ответил Никита.

– Так ты извинись! И вы помиритесь.

Дементьев не нашелся, что ответить. Молча смотрел на дорогу, стиснув челюсти.

– Пааап, ну, пожалуйста! – канючил Митька. – Ну, вернись домой!

Тем же вечером, после очередного «тебе пора», он преградил собой кухонный проем, не давая ей пройти, и твердо сказал:

– Инн, я никуда не уйду, пока мы не поговорим.

Она могла сколько угодно держать лицо и делать вид, что ей все равно, но в тот момент её глаза резанули Дементьева такой болью, что горло свело спазмом и голос дрогнул.

– Я знаю, Инн, я очень перед тобой виноват. Страшно виноват. Это была ошибка. Я очень сожалею... – нужные слова никак не шли на ум. Одни только банальные фразы, которые не могли выразить и малой доли того, что было на душе. Эти слова даже ему казались ничтожными. Впрочем, Дементьев никогда не умел красиво говорить. – Дай мне доказать, дай всё исправить... хотя бы ради детей... Клянусь, что этого никогда больше не повторится. Я люблю

тебя. Я без тебя... я не могу без тебя. Инн, я же вижу, тебе тоже плохо... Что угодно сделаю для тебя... для нас...

Инна прервала его.

– Перестань, пожалуйста. Нет больше никаких нас. Я не смогу быть с тобой. Никогда. Это не обида и не злость во мне говорят. Я просто больше тебе не верю.

– Но тебе ведь самой плохо...

– Ну, конечно, мне плохо, – она горько усмехнулась. – У меня ведь вся жизнь рухнула. И ты ошибаешься, если думаешь, что можешь что-то наладить. Нет, Никита, это конец, пойми ты уже. Не все ошибки можно исправить. И когда ты тут, мне еще хуже, как ты не поймешь! Я как будто снова и снова переживаю это... Вижу тебя, а вот здесь, – она прижала ладонь к груди, – будто нож проворачивается... раз за разом. Я задыхаюсь от боли, когда ты рядом.

Инна судорожно вздохнула, словно сейчас заплачет, но моментально взяла себя в руки. Потом посмотрела на него.

– Не приходи сюда. Пожалуйста. Хотя бы какое-то время не приходи. Не мучай меня.

Только тогда он понял, что это конец, безоговорочный, бесповоротный. Осознал, что Инна отсекла его от себя навсегда, и всё, ради чего он жил, рассыпалось.

В тот вечер Дементьев уходил и чувствовал себя как человек, которому сообщили, что он смертельно неизлечимо болен. И в запасе у него – всего ничего.

16

Настоящее время

Время ползло мучительно медленно. Каждая минута растягивалась до бесконечности. Ждать было невыносимо. Душа рвалась прочь. Хотелось самой бежать в темноту улиц, искать, звать. Казалось, сердце подскажет, где Митя. Но координатор сказал: кто-то должен все время находиться дома. Дома...

Этот дом, еще недавно уютный и родной, теперь вдруг стал казаться тесной клеткой, душной тюрьмой. И совсем тяжело было находиться рядом с ним, с Никитой. Даже не глядя на него, Инна чувствовала, что он делает, куда смотрит. Его близость и сейчас заставляла сердце болезненно сжиматься и кровоточить. И в то же время Инна понимала: не будь сейчас его рядом – одной было бы гораздо страшнее. Только пусть он не смотрит на нее вот так, не касается её...

Молчаливое тягостное ожидание вдруг прервал телефон. Звонили Никите. Инна повернулась к нему в надежде: вдруг какие-то новости от поисковиков. И тут же отшатнулась, поняв по выражению его лица – звонит она. Диана.

У Никиты всегда лицо было как открытая книга. И сейчас он, схватившись за телефон с нетерпеливой надеждой, сразу переменялся. Нахмурился и смутился одновременно. Бросил на неё сконфуженный взгляд и вышел с телефоном в гостиную.

И снова резануло по живому. Предатель... Уж хотя бы здесь, сейчас, в такую минуту мог бы не общаться со своей любовницей. Неужели он не понимает, как унижает этим... Инна сглотнула ком и на пару секунд крепко зажмурилась, не давая слезам проступить.

Из гостиной донесся его раздраженный голос:

– Что ты хотела? ... А ты откуда знаешь про Митю? ... Инна сказала? ... Звонила тебе сама? ... Нет, не нашелся... Послушай, я не хочу быть грубым, но я же тебя просил: не звони... Нет, ничего не надо... Да чем ты можешь помочь? ... Всё.

Никита вернулся на кухню, посмотрел на Инну в смятении, прикусил нижнюю губу. Очевидно, хотел спросить и не решался заговорить с ней про эту женщину.

– Да, я ей звонила, – отчеканила Инна, опережая его вопрос. – Как и Климову. Потому что не могла найти.

– Ясно. А откуда у тебя ее номер?

В другой раз, в их прошлой жизни, Инна бы со стыда сгорела, но сейчас было плевать.

– Твоя Диана тебе звонила. Это была суббота. Где-то месяца два назад. Ты тогда пошёл с детьми гулять, а телефон оставил дома. Я ответила. Хотела сказать, чтобы перезвонила позже. А она сразу сбросила. Минут через тридцать перезвонила снова и снова молча сбросила. И да, после этого я сохранила ее номер. Всё прояснили?

– Она не моя. Инн, у меня с ней правда больше ничего...

– Прекрати. Я ничего не хочу знать. Избавь меня от всего этого... – Инна, судорожно выдохнув, простонала: – Господи, когда уже этот координатор придет. Может, сами ему позвоним? Ну невозможно так... вдруг пока мы тут ждем, наш мальчик...

– Не накручивай себя раньше времени. Сейчас я его наберу.

Но тут загудел сотовый Инны, а на экране высветилось *Мама*. Инна обреченно ответила на вызов. Мать тут же заголосила в трубку:

– Ну что? Митя вернулся домой? Почему не звонишь? Сказала же, что позвонишь! Держишь мать в неведении! Смерти моей хочешь?

– Митя... – произнесла Инна, и горло перехватило спазмом.

– Что Митя?! – кричала на том конце Алла Арнольдовна. – Что Митя?!

– Его еще нет, – с трудом выдавила Инна и прижала ладонь ко рту, чтобы снова не разреваться.

– Как нет?! Как это нет? Где он? Ты там что, совсем с ума сошла?! Полицию срочно вызывай. Дура! Какая же ты дура! Это же всё твой вахлак! Он украл ребенка, а ты...

Инну мелко затрясло. Внезапно обессилев, она позволила Никите забрать у нее телефон и сбросить вызов. Позволила даже отвести ее в комнату, усадить на диван, укутать пледом.

– Тебя всю знобит. Давай я тебе горячего чаю налью?

Инна качнула головой.

– Позвони координатору, – попросила она.

Но звонить не пришлось, Роман пришел сам.

– Ну что? Есть что-нибудь? – в унисон спросили они.

– Пока ничего, но отчаиваться не надо. Мы лишь опросили соседей, одноклассников, обошли близлежащие дворы. Плохо, конечно, что уже темно. Но сейчас наши вместе с полицией обходят все подъезды окрестных домов. Проверяют подвалы, чердаки, люки. А мы с кем-нибудь из вас давайте наведемся к вашим родственникам.

– Мити у мамы нет, она только что звонила, – вымолвила Инна.

Но координатор настоял, что надо проверить все и каждого, а спорить с ним сил не было.

Вместе с Романом к Алле Арнольдовне поехал Никита. Не было их чуть больше часа, и за это время Инна едва с ума не сошла. Металась по комнате, не находя себе места.

Всю жизнь далекая от религии, тут она бормотала шепотом, сумбурно, неистово: «Господи, если ты есть, верни Митеньку. Умоляю, Господи. Пусть только он найдется! Пусть только он будет жив...».

Вернулись от матери они ни с чем. И почти сразу ушли. Никита вместе с поисковиками отправился обходить дворы и улицы. А для неё время как будто остановилось...

Паника сменилась тяжелым оцепенением. Правда, потом, среди ночи, проснулась Маша, вся в слезах. И через не могу приходилось как-то справляться с собой, кормить её, качать, успокаивать, загоняя вопль ужаса в самую глубь души.

А утром пришёл Никита. Инна, подскочив с дивана, кинулась к нему, но увидела его лицо и остановилась в страхе.

– Нет, только не говори, что... Пожалуйста, нет...

Никита смотрел на нее со смесью острой жалости, вины и горечи. И этот его взгляд убивал. В сердце будто разом впились тысячи ледяных игл. Только не это! Только не самое худшее!

– Что с ним?! – выкрикнула Инна.

– Мы не нашли его. Инн, я только что из полиции. Мы посмотрели записи с камер. В общем, опер говорит, что Митю, скорее всего, забрали. Просто он свернул за поворот и всё. Исчез.

– Как забрали? Что значит – забрали? Что значит – исчез? Кто его мог забрать? Зачем? – захлебываясь рыданиями, кричала она.

Но Никита молчал.

СПОЙЛЕР!

Для вашего успокоения, дорогие читатели, еще раз напомним - ребенок жив и в целом здоров. И чуть позже найдется.

17

В доме стоял терпкий запах успокоительных капель. От них плыла голова, а тело казалось ватным. Инна сидела на диване в оцепенении и неотрывно смотрела перед собой в одну точку.

А всего час назад она опять билась в истерику. Потому что после слов «Митю забрали» в голове всплывали картины одна другой страшнее. Обрывки жутких происшествий из новостей, которые она всегда старалась не слушать и не читать. Однако что-то как-то да отложилось в памяти, и теперь страх в воспаленном мозгу рисовал сплошные ужасы.

Внутренности выкручивало от мысли, что её мальчика мог кто-то обидеть. Она металась, кричала, сгибалась пополам, задыхаясь. Никита ловил её, прижимал к себе, что-то говорил, но все его слова тонули в горестном крике.

Кажется, Инна обвиняла его. Колотила в грудь, хлестала куда придется, пыталась вырваться, но он не выпускал, пока она, истощив все силы, не обмякла. Потом опять заставил выпить это чертово успокоительное. И теперь она сама себе напоминала полудохлую рыбу.

Правда, внутри все равно жгло и кровоточило.

«Маленький мой, где же ты? Прости, что не защитила... – шептала про себя. – Что не уберегла».

И как назло, вспоминалось всё самое плохое. То, о чем и прежде думать было стыдно. А сейчас – вообще хоть в петлю лезь от ненависти к самой себе, от чувства вины.

Буквально на днях он нарисовал картинку «Моя семья». Обычный детский рисунок: домик, полянка, солнце, мама, папа и ребенок.

«А где Маша?», – спросила тогда Инна. Митя юлил, придумывал отговорки, но пририсовать сестру отказался наотрез. Дошло до слез, криков и стояния в углу.

Господи, зачем она к нему так прицепилась с этим рисунком? Как могла она свою горечь выплеснуть на него?

И тут же вспомнилось, как он выпрашивал у нее жалобно, кого она больше любит: его или Машу. И почему-то так расстраивался на ее ровное: «Одинаково». Ну, что ей стоило хоть раз его утешить? Сказать, что, конечно же, он ей безумно дорог? Что бесконечно любим? А она ещё и Никиту ругала, когда тот шёл у Мити на поводу и потворствовал его капризам.

Один раз они даже поссорились с Никитой. Не глобально, но оба остались друг другом недовольны. Это как раз тогда всплыли Митины прогулы, и её вызвали в школу. Было самое начало второй четверти. Сначала Инна долго уговаривала Аллу Арнольдовну приехать посидеть с Машей. Та долго возмущалась, но все же приехала. И, как всегда, наговорила кучу «напутственных слов» так, что Инна шла в школу уже вся на взводе. А Митька семенил рядом, еле поспевая за ней, и испуганно частил:

– Она – сама плохая! Она – злючка!

– Может, это Оксана Викторовна заставила тебя сбежать с уроков? – строго спрашивала Инна.

В школе она слушала про Митины выходки и сгорала от стыда. А когда шли обратно, то не разговаривала с ним. Он дергал ее за рукав пальто, заглядывал снизу, хныкал и поскуливал: «Мам, ну, прости. Ну я так больше не буду. Mam, ну говори со мной!».

Что она ему тогда сказала? Что он ее опозорил и говорить с ним ей не хочется. Господи, лучше бы тогда она язык свой проглотила. А хуже всего то, что именно так с ней поступала мать. Всегда. За малейшую оплошность. И она, сама того не замечая, поступала так же, словно забыла, какой несчастной, нелюбимой и брошенной чувствовала себя в детстве...

А потом, вечером, Никита вернулся с работы и стал общаться с Митей, как ни в чем не бывало. Инна его одернула:

– Ты что, не понимаешь? Он наказан! Он почти неделю сбегал с уроков. Врал мне, тебе, учителю. Переругался со всеми одноклассниками. Девочку обозвал и толкнул.

– Может, были причины?

– Были, конечно. Как Маша родилась, причина у нас одна – ревность. И желание привлечь к себе внимание всеми правдами и неправдами. Но мы не должны потакать его капризам.

– И что ты от меня хочешь? – устало вздыхал Никита.

– Чтобы ты был со мной солидарен! А не показывал, какой ты хороший и добрый, и какая я плохая и злая.

– Инн, по-моему, ты раздуваешь из мухи слона. Митька уже и так все понял. Ему сейчас плохо. Вон сидит у себя несчастный. Ревет. И мы должны делать вид, что нам все равно? Или что так и должно быть? Ну, брось. Меня мать и не за такое не наказывала. Да она меня вообще не наказывала ни за что.

– Ну, знаешь ли... Я же его не бью, не ругаю, но он должен понять, что мы его поведением недовольны.

– Ну, считай, ты уже всё ему показала, – упрямился Никита. – Правда, Инн, хватит. Мне вот мать всегда говорила: ребенку должно быть дома хорошо.

Инна тогда спорить не стала, но немного обиделась на Никиту, что не поддержал. А сейчас сердце кровью обливалось: два дня она не подпускала к себе Митю. Два дня не замечала его несчастных глаз. Потом он порезал руку, и, конечно, она сразу и простила, и утешила, и пожалела.

А сейчас думала про те два дня, и горло сдавливало. Как она могла быть такой жестокой к нему, такому родному, маленькому.

А ведь была еще та безобразная пощечина...

– Инн, тебе надо поспать, – сквозь гул в ушах различила она голос Никиты.

Он присел рядом, приобнял ее, успел даже коснуться губами виска. На миг захотелось прильнуть к нему, снова почувствовать крепкие руки, но тут же откликнулось жгучей болью: он другую обнимал. Целовал другую... Он предал их.

Вялый язык не слушался, и Инна, поморщившись, отклонилась. Впрочем, Никита понял и без слов. Убрал руки и отодвинулся. И сразу стало холоднее.

– Инн, ну ты все равно постарайся уснуть. Хоть ненадолго.

Какой тут может быть сон, отрешенно думала Инна. Она вообще больше спать никогда не сможет. Однако сознание меркло и уплывало, словно она тихо опускалась на дно реки, озера, болота? Неважно...

Однажды, еще в детстве, Инна тонула на море. Перевернулась с матраса и камнем пошла в воду, даже подумать ни о чем не успела. И что странно – не было ни страха, ни боли, ни ужаса. Только умиротворение.

Вот и сейчас внезапный сон принес ей умиротворение. Она расслабилась и отдалась этому ощущению. Рядом в этом сне оказался Никита. Как она раньше любила его руки, всегда теплые, чуть шероховатые, но все равно самые нежные. От его ласк мгновенно теряла голову.

А потом... потом случились вторые роды, тяжелые, мучительные, с разрывами. Первый раз после них был почему-то настолько болезненным, что их близость, прежде такая желанная и упоительная, казалась сущей пыткой. Инна потом лежала, не дыша, в холодном поту. Но признаться Никите не смогла. Стыдно было.

Позже боль ушла, но ожидание боли осталось. И неприятные ощущения никуда не делись. Откровенные прикосновения Никиты больше не будили внутри жаркий трепет, не будоражили сладко кровь. Словно внутри все скукожилось и застыло. Хотя нет, один раз, после аварии у них получилось почти, как раньше, как-то само собой. Но потом снова всё...

Инна подумывала ему признаться, но так и не осмелилась. Как сказать любимому мужу, что от его ласк внутри всё только напрягается? И в те разы, когда она ничего не чувствует – это еще хорошо. Как такое сказать и не обидеть? Он ведь примет всё на свой счет, хотя она винила себя. Да она практически стала думать о себе, как о неполноценной!

Плакала втихаря. И подмечала, вроде бы, незначительные детали, но такие, оказывается, говорящие. Однажды утром Никита опаздывал на работу, торопился очень, а она заметила, что одна пуговица ослабла и немного болтается. Хотела позже, вечером, пришить покрепче, но увидела, что кто-то уже постарался. Кто? Диана, конечно. А в последний месяц он приходил поздно с работы и отказывался от ужина. Говорил: Диана их там всех накормила.

Инна помнила Диану с турбазы, помнила ее вороватые взгляды, которые та бросала украдкой на Никиту. Но тогда она еще верила в него, как в себя. И кроме легкого раздражения ничего к ней не испытала.

Это потом сомнения, подозрения, неуверенность сплелись в такой тугой клубок, что она в ком угодно готова была видеть соперницу. А уж в умнице Диане, которая вечно рядом с её мужем, – тем более.

Иногда слова жгли язык, но сказать про свою ревность она так и не сумела. Это казалось таким унижительным. Боже, да она сама ему всегда говорила, что никогда не опустится до ревности и выяснения отношений.

А Никита, как назло, приходил домой вечерами и рассказывал про работу, про отдел и, конечно же, про Диану. Без всякой задней мысли. Но Инну душила обида, хотя виду она не показывала. А вот по-настоящему она испугалась, когда Никита про нее умолчал. Рассказывал про фуршет и вдруг запнулся, смолк, смутился сразу. Начал говорить о чем-то другом. А у Инны все обмерло внутри. Даже дышать больно стало...

Сон окутывал ее, уносил прочь от реальности. Только в груди по-прежнему кололо. А потом вдруг полыхнуло резкой болью, и Инна, вздрогнув, проснулась с криком:

– Митя!

Никита с Машей на руках тут же заглянул в комнату.

– Сколько времени? – встревоженно спросила она.

– Да почти столько же. Ты всего минут пять спала...

– Митя...

Но договорить не успела – в дверь позвонили. Долго, настойчиво, требовательно.

Никита открыл дверь, и Инна услышала голос матери:

– А ты что тут здесь забыл? Куда внука дел, сволочь?

Что ей отвечал Никита, Инна не слышала. Да и Маша тут же заплакала в плече.

Покачиваясь, она вышла в прихожую.

– Мама, Митю украли, – тихо простонала она со слезами.

– Что? Как? Кто украл? – Алла Арнольдовна вращала глазами, охала, переспрашивала. Но потом, будто набравшись сил, снова разразилась: – Идиоты! Ребенка не уберегли. Сгубили! Что еще можно было ожидать от вахлака и такой дуры! Что? Уже обратно его впустила? Тфу. Дура, тря...

Никита передал Инне плачущую Машу, а сам распахнул входную дверь, схватил Аллу Арнольдовну за рукав кашемирового пальто и поволок на выход.

– Э-это что... Как ты смеешь? Руки убери, паршивец! А ты куда смотришь...

Он ее все-таки вытолкнул и сам вышел следом.

Из подъезда еще какое-то время доносились ругань и угрозы матери, но Инна не вслушивалась. Она сидела на диване, покачивая, прижимала к себе Машу и тихонько нашептывала: Митя, Митенька...

18

За несколько часов до...

К пяти уже всех забрали с продлёнки, и Митя остался в классе один. Светлана Ивановна какое-то время крутилась рядом – расставляла на полки книги, собирала брошенные игрушки и карандаши, сдвигала стулья. Митя охотно помогал ей – она была молодая, добрая, веселая. Ему она нравилась. Он даже попросил её быть их учительницей вместо Оксаны Викторовны, но та лишь звонко рассмеялась в ответ и ласково взъерошила ему волосы.

Потом Светлане Ивановне кто-то позвонил. Взглянув на экран, она довольно зарделась и выскочила с телефоном в коридор.

Митя еще немного подождал и тоже ушёл. Сидеть одному было скучно, а ждать, когда за ним придут, он мог и в вестибюле. К тому же окна вестибюля выходили на дорогу – можно было увидеть маму ещё на подходе, издали.

Он уселся на скамейке, рюкзак и куртку пристроил рядом и принялся ждать, неотрывно глядя в окно. Вон из-за того поворота должна показаться мама с коляской. Митя, конечно, больше любил, когда его забирал отец. Ран

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.